

ДИАНА КУРАМШИНА

ЧЁРНАЯ
ЗЕМЛЯ
подселенки

18+

Диана Курамшина

Чёрная Земля. Подселенка

<https://litres.ru/71502403>

SelfPub; 2025

Аннотация

Та-Кемет, или Чёрная Земля, овеянная ореолом мистики, закутанная в вуаль тайны и окружённая загадками. Так что же можно сделать, неожиданно попав туда? Просто прикоснуться к истории или же отважиться на большее, изменив то, что волею судьбы должно идти своим чередом? Право выбора есть всегда... равно как и у тех, кто этим изменениям всеми силами сопротивляется. Так кого поддержат древние божества? На чью сторону склонятся чаши весов?

Первая часть. Продолжение в книге "Золотые мухи".

Содержание

Пролог	4
Глава 1	14
Глава 2	29
Глава 3	46
Глава 4	66
Глава 5	82
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Диана Курамшина

Чёрная Земля. Подселенка

Пролог

Последние несколько месяцев меня преследует дикая усталость. Всё время хочется спать, и я просто вырубаюсь при каждом удобном случае. Обещанный начальством отпуск постоянно откладывается на неизвестное науке время из-за грёбаного проекта, который наша контора никак не может завершить.

После долгого перерыва, когда все сидели по домам, хранясь от гадского вируса, босс, естественно, бульдожьей хваткой вцепился в такой лакомый заказ, каким он виделся поначалу. Ведь, несмотря на все послабления и помощь от государства, удержаться на плаву после столь длительной паузы было чрезвычайно сложно.

А там изначально всё пошло наперекосяк. Купленный клиентом за бешеные деньги у какого-то именитого дизайнера проект, кроме красивой картинки, не содержал в себе ни крупицы необходимой информации. По объекту все размеры, скорее всего, были прикинуты «на глазок». Встроенная мебель, рассчитанная заподлицо со стенами, согласно этим

данным, должна была выступать снаружи, служа неожиданным декором для фасада здания. В итоге вся группа была вынуждена пересчитывать, всё переделывать и даже вносить изменения в дизайн с учётом точных данных. В особо тяжких случаях пришлось менять эскизы мебели, иначе при общем уменьшении встроенная техника просто не вмещалась. В общем, все «с удовольствием» потрудились, периодически поминая «добрым словом» одного именитого дизайнера.

Наконец, архитектурный отдел дружно выдохнул, а строители принялись за работу. Но заказчик не дал нам расслабиться и пошли пертурбации по уже утверждённым материалам. Теперь взвыл отдел закупок, пытаюсь хоть как-то «не выпасть» из сметы. Но вскоре и с этим, слава Богу, разобрались.

Мы все держали скрещёнными пальцы, когда дом наконец был построен и началась финальная отделка. Я всё это время носилась как наскипидаренная, контролируя, чтобы мастера, что-то не напутали или не сломали, особенно дорогостоящую отделку.

Вообще, женщина-site manager – это то ещё назначение. Но шеф, зная мою въедливость, именно за это и «поставил» на объект. Там и так к «белым каскам» относились настороженно, а тут ещё и «баба» ... Но многие меня знали по другим проектам, потому на стройке постепенно удалось наладить вполне «дружеское» общение.

К концу зимы всё было почти готово, ожидали только до-

ставку травертина из Италии, который подготовили по особым «закидонам» дизайнера. Этот пол для патио был отдельным «танцем с бубнами», но заказчик «упёрся в него рогом», так что пришлось заказывать за границей... Не знаю, что именно олицетворял данный рисунок, но у меня было такое чувство, что кое-кто создал его, объевшись грибами.

И вот, когда мы уже с нетерпением ждали отправки пострадавшего как нами, так и производителем травертина, всех «осчастливили» объявлением о запрете поставок. Февраль в этом году был жесток. Подготовленный к отлёту груз вернули на завод, а шеф заперся в кабинете. Все, конечно, думали, что тот рвёт там на себе последние волосы с темечка, но я была уверена: он глушит любимый коньяк, бутылка которого, точно знаю, обитала в его баре.

Оповещённый о произошедшем форс-мажоре заказчик примчался на следующее же утро. После долгих дней криков и ругани «высокие» стороны, наконец, достигли консенсуса. От «изысков» отказались и порешили найти подходящий местный материал.

Пару месяцев звонков и переписки, а также «идиоматических выражений» закупщиков и бесконечных совещаний с клиентом вывели в финал несколько вариантов от разных российских карьеров. Но, как известно, картинка от поставщика – это одно, а реальность... она такая заковыристая, и часто кроме как с «русским загибом» про неё и не скажешь.

Поэтому к «финалистам» было решено направить особо

«ответственных товарищей», дабы убедиться в правдивости предоставленных фотографий. Посчитали, что так намного быстрее, чем ждать натуральных показательных образцов от подрядчика. Тем более заказчик оплачивал поездку.

Естественно, меня, «самую умную», также командировали. И не на юг, как некоторых... а на север, в Гатчинскую область. Начальство посчитало данное направление более перспективным и послало, естественно, меня. Кого же ещё?

В своё время материал из этих самых каменоломен использовался для строительства Казанского собора, и это особо сподвигло заказчика к выбору данного места. И я, как «глава проекта», непременно должна была быть туда послана.

И хотя мне хотелось куда-нибудь, где тепло и солнечно, тем не менее я была рада вырваться с работы... даже в Питер. Долго собираться не пришлось, а прощаться и вообще было не с кем.

Мужа, с которым прожила вместе множество лет, потеряла в самом начале пандемии. Он упёрто считал всё происходящее «происками фармакологических компаний», а себя – защищенным ещё в детстве сделанными советскими прививками. Увы, вирус доказал ошибочность подобного мнения. Его смерть надолго выбила меня из реалий жизни. Хорошо, что мы все сидели по домам. Потому как думать о работе просто не получалось.

Парочка старинных подруг звонила ежедневно, проверяя

моё состояние. Ведь единственная дочь, в своё время уехавшая учиться за границу по гранту, там и осталась, найдя хорошую работу и удачно выйдя замуж. Приехать на похороны она так и не смогла. Границы были перекрыты. Ну а потом маленький внучок, уже спокойно говоривший на нескольких языках, стал часто болеть, и возможный её приезд вообще перестал обсуждаться.

Наверное, поэтому шеф и заваливал работой, чтобы вышибить из кокона, в который я сама себя обернула. Со временем, конечно, немного отошла, и занятость, действительно, не давала лишним мыслям бродить в голове. Посему, хоть мне и хотелось куда-нибудь к тёплому морю, Балтийское на отвальном «шабаше» с подругами тоже было признано неплохим развлечением и способом отвлечься.

Приехав во вторник вечером и заселившись в заказанную фирмой гостиницу, созвонилась с поставщиком. Там оказались не готовы к моему столь скорому прибытию и обещали прислать служебную машину только через день.

Ну а пока... ночи ещё не стали «белыми». Нависая свинцовой тяжестью, тучи скрывали луну. Погода располагала к паре бокалов вина. И я уже в хорошем настроении отправилась ко сну.

Утро следующего дня выглядело серым, когда, развалившись на кровати, размышляла на тему, «чем бы убить день». Не хотелось думать, что всю среду придётся проваляться в номере, потому как бесцельно бродить по городу никакого

желания не имелось. И вот неожиданно за завтраком в ресторанчике отеля меня заинтересовала скромно одетая девушка, раздававшая флаеры. Оказывается, сегодня все музеи мира, в том числе и в Питере, были открыты для бесплатного посещения. Идея приобщиться к истории показалась мне весьма привлекательной. Тем более выбор предлагаемых мест был большой. Я же решила остановиться на Эрмитаже, где не была, наверное, уже лет сто.

Покончив с едой и переодевшись из представительского одеяния в удобные джинсы и кроссовки, отправилась к Невскому проспекту, откуда попала на Дворцовую площадь.

Хоть было и прохладно, погода к этому моменту заметно улучшилась. Выглянувшее солнышко обещало немного тепла. Но местные предлагали не расслабляться, ведь в любой момент всё могло радикально измениться. «Это же Питер...»

Здание Зимнего дворца само по себе великолепно, и его можно разглядывать долго и внимательно. А уж собранные здесь экспонаты зачастую были поистине уникальны.

Немного простояв в образовавшейся очереди, выбрала для себя из предложенных первый маршрут. Уже внутри, проходя роскошные дворцовые интерьеры, случайно отстала от своей группы. Так и не поняв, куда все направились, пока я разглядывала потолок, подошла к лестнице, но решила не подниматься наверх, мне сейчас потребовалось посетить дамскую комнату, а потом можно дальше продолжить

осмотр первого этажа. Чай в отеле был просто отличным, но лишняя чашка в моём возрасте не всегда удачное решение. Посему после столь необходимой остановки повернула направо и, пройдя анфиладу, увидела слева зал, в котором группками передвигались люди.

Это был зал Египетской экспозиции. Я медленно переходила от одной стеклянной витрины к другой, разглядывая выставленные там предметы. Иногда прислушивалась к разным гидам, ведущим свои экскурсии. А чаще всего просто стояла, читая описания.

Историю я любила. Конечно, совершенно не помнила всякие важные даты больших сражений или великих моментов, но мы с мужем вечерами любили сидеть перед телевизором, смотря документальные передачи на разных научных каналах. Обычно после новых раскопок и находок снимались интересные фильмы, красочно передавая всё с экрана. Кроме того, постоянно показывались программы о разных великих постройках, что меня, как архитектора, крайне занимало. И вот, разглядывая сейчас витрины, видела большое отличие собранных тут артефактов от коллекции того же Британского музея.

Взять хотя бы отбитую со стен гробницы в Фивах великолепную роспись, одиннадцать фрагментов которой выставлены в Лондоне. Представляю, какая это была красота до того, как оголтелые, «дикие» археологи прошлого решили вывезти эту поразительную находку. Естественно, большая

часть фресок была безвозвратно утеряна при попытках отодрать её от стены. Но кого это тогда волновало?

Кстати, именно этой красоте была посвящена передача, что я смотрела на историческом канале незадолго до поездки. Огромное наследие оказалось просто бездарно разграблено ушлыми дельцами, обогатив чьи-то музеи и частные коллекции.

Сейчас же я стояла напротив мумии с прекрасно сохранившимися зубами, но она как-то не впечатляла. Почему-то не получалось представить её жившим ранее человеком. Видевшееся казалось нелепой куклой, созданной сумасшедшим мастером.

Бóльший интерес вызвали разрисованные саркофаги. Красочно украшенные внутри и снаружи, они привлекали всеобщее внимание. Постояв перед ними какое-то время, я незаметно для себя оказалась перед местами поломанной статуей.

Внушительная двухметровая женщина, вырезанная из чёрного гранита, с головой львицы. Солнечный диск, что должен был венчать её, отбит, повреждены лицо и стопы, а довольно обширный кусок левой руки, держащей небольшой символ, который, как я помню, назывался «анкх», выломан.

Меня же привлёк сам камень. С разными вкраплениями он, казалось, немного искрился, стоило лишь изменить угол зрения. И, несмотря на цвет, виделся тёплым и манящим. Воспользовавшись тем, что никого в какой-то момент рядом

не было и что на меня не обращали внимания, я украдкой дотронулась до гранитных коленей.

К удивлению, они действительно не были холодными. Несколько мгновений, пока мои пальцы касались их, я чувствовала притяжение. Да и статуя будто бы нагревалась. Но, как только отступила, ощущение пропало.

Уже отворачиваясь, чтобы продолжить прогулку по залу, заметила странное движение. Мне померещилось, что львиная богиня склонила голову набок, как если бы я её заинтересовала.

Далее стало происходить вообще нечто невообразимое. Изваяние протянуло ко мне свою целую руку и открыло рот в попытке что-то сказать.

Сердце заполошно забилося в груди, и я стала оглядываться вокруг, пытаясь понять, видит ли это кто-нибудь ещё. Но люди проходили мимо, не обращая внимания на шевелящуюся скульптуру.

– Скорее всего, я съела что-нибудь не то, – заявила сама себе, протирая прикрытые от избытка чувств глаза.

Но видение не прекратилось. Ожившая статуя всё ещё протягивала ко мне руку, а львиная челюсть двигалась в неслышной речи.

Наконец львино-женщина потянулась к «анкху» в своей сломанной левой руке и, взяв его, направила на меня. Я не видела, а скорее ощущала какое-то тепло, исходящее от знака. Меня влекло к изваянию, как магнитом. Хотелось опять

прикоснуться к камню, ощутить исходящий от него неясный жар. Стало казаться, что гранитные ступни шевелятся, а одеяние богини идёт волнами от движения.

И вот, я вновь оказалась впритык к разделяющей нас преграде. При этом мне огромным усилием воли удалось заставить себя больше не прикасаться к статуе. Засверкавшие глаза на львиной морде какое-то время рассматривали с неммым укором, а затем богиня резко поднялась с пьедестала и, нереально широко раскрыв пасть, наклонилась ко мне.

Она просто меня проглотила.

Глава 1

Первым появилось ощущение покачивания и обволакивающей тело волны.

Как правило, выходя в отпуск, мы с супругом обязательно старались выбраться на море. Оба страшно любили плавать, но бассейны не давали нужного ощущения, да и химические запахи портили впечатление. Прибыв же на юг, находили тихие пляжи, где, отплыв от прибрежного «лягушатника», медленно двигались рядом. Если немного уставали, то ложились на воду, размеренно покачиваясь...

Вот это, до боли знакомое ощущение «поплавка», заставило меня очнуться. Затем проявился запах... тины, рыбы и словно каких-то цветов. Вслед за этим стали различимы голоса. Сначала казалось, что они где-то далеко. Доносившиеся звуки были глухими. Но через пару мгновений я осознала: люди рядом.

Сосредоточившись на чужой речи, с удивлением поняла, что совершенно не понимаю произносимого. Кроме того, язык был мне абсолютно не знаком. Хорошо зная два из пяти основных европейских языков, на других я могла спокойно связать хотя бы несколько простых фраз. Ведь наличие многих заимствованных слов облегчало понимание.

Но это была и не славянская группа. А исходя из говора,

даже не что-то восточное. В своё время я наслушалась всяких дорам, которыми увлекалась дочь.

Тем временем беседа становилась весьма напряжённой. Говорящие перешли на повышенные тона. Судя по тембрам голоса, мужчина и женщина. После того, как дама эмоционально вскрикнула, я опять ощутила волну.

– И всё-таки ты не права!

Неожиданно для себя поняла прозвучавшую фразу. Нет, речь не стала звучать по-русски, но восприятие смысла невольно вплыло в сознание.

– Я не могу опустить руки, иначе всё было напрасно, – мягкий женский голос был полон печали.

– Это бесполезно, она не справится, как и остальные до неё.

– А вдруг получится? Я нашла её намного дальше. Иная форма мышления может помочь.

– Из-за того, что ты ловила гораздо дальше по реке, в её Хат избыток чужого.

– Но какое яркое Ка!

Слово «ка» было произнесено с таким придыханием, что напомнило мне мультик про Маугли. От чего я немного съежилась, представив себе огромного питона.

– Я боюсь за тебя! С каждой охотой ты теряешь силы! – в голосе мужчины слышалась неподдельная тревога.

– Ты же знаешь, это сильнее меня.

– Кстати, твоя добыча внимательно слушает нас.

– Ну вот и отлично. Значит, всё прошло без осложнений.

– Как долго ты собираешься держать её в Нуне? – обеспокоенно спросил мужчина.

– Пока Амсет не почувет. За это время постараюсь подготовиться к тому, что её ждёт.

Покачивание исчезло, а я почувствовала, как что-то прикасается к моим губам.

Тьма вокруг стала обретать форму, благодаря лёгкому свечению, исходящему от двух стоящих рядом со мной фигур. Насколько можно было понять по небольшому пространству, на которое хватало света, мы были полностью окружены водой. И, судя по ощущавшемуся движению, больше напоминавшей море.

Дна совершенно не чувствовалось. Я просто «висела» в жидкости по пояс. Что интересно, мне не удавалось себя разглядеть, но говоривших стала различать лучше.

Мужчина находился слева. Его довольно мощная фигура внушала уважение. И не столько развитой мускулатурой, которой было в избытке, а скорее ощущением силы, исходящим от него. Взгляд привлекал странный головной убор. Он второй кожей обтягивал его череп, посверкивая металлическим отблеском.

Широкое ожерелье почти полностью скрывало мужскую грудь, а руки на предплечьях и запястьях были обвиты браслетами. Судя по цвету, наверняка золотыми. В правой ладони он сжимал длинную, уходящую под воду полосатую пал-

ку с наверху.

Нижнюю половину его тела скрывала вода, где оно тоже слегка светилось, правда, едва различимо и тускло.

Лицо мужчины окружала небольшая дымка, как будто она смотрела на него в очках с большим плюсом. Странно, что со зрением всё становилось нормально, как только я отводила взгляд от этой части тела.

Лицо женщины справа также нельзя было рассмотреть. Зато великолепные волосы, густым тёмным водопадом струились по плечам. На лбу они были перехвачены тонкой красной повязкой, испещрённой золотистыми иероглифами. Сбоку на неё были нашиты красивые белые страусовые перья.

Женские руки также украшали браслеты. Но эти были покрыты тонким синим узором. В правой руке она также держала посох, уходящий вниз.

Её грудь, аналогично со спутником, покрывало широкое ожерелье. Но не на голую кожу, а поверх пурпурного одеяния. Дама, опять же, приглушённо светилась, отчего мне так и не удалось различить цвет кожи моих визави.

– Вы могли бы объяснить, где я и что тут делаю? – говорить постаралась медленно, не повышая голоса. Странно, но произнесла я это не по-русски. Осознав, даже стала прислушиваться к тому, как говорю.

– Не волнуйся, дитя. Всё хорошо, – также вкрадчиво, как и я, изрекла женщина. – Здесь тебе ничего не угрожает.

– Только бы понять, где это самое «здесь»? – ответила ворчливо, не представляя, как можно было назвать меня «дитём». Приближаясь к полувековому рубежу, я никак на такое обращение не тянула.

– Это Нун, – сообщил мужчина.

– Хм... это название должно мне что-то сказать?

– Если выразаться привычным тебе языком, дитя, – снова включилась в общение дама, – то это «первозданный океан хаоса».

– Так... – нервно оглядываясь по сторонам, произнесла я, – и что здесь вóдится? Как-то слово «хаос» мне совершенно не нравится.

– Как я уже сказала, тебе здесь совершенно ничего не грозит.

– Во всяком случае, рядом с нами, – со смешком добавил мужчина.

– А вот это мне тем более не нравится! Кто вы? Зачем сюда забрали? И, главное, что вам от меня нужно?

Задавая вопросы, отметила в себе полное отсутствие какого-либо страха. Более того, я не нервничала. Нигде ничего не болело. Даже постоянно напоминающий о себе при длительном стоянии сколиоз не тревожил. Да и голод отсутствовал. Учитывая кремешную тьму вокруг... не могла предположить, сколько точно прошло времени с моего похищения. Не было ни желания есть, ни пить.

– Я почувствовала силу твоего Ка и его родственную с на-

ми связь. Кровь, конечно, сильно разбавлена... прошли века... но и её хватило, чтобы сделать для меня «якорь».

– И зачем вы меня утащили в этот хаос?

– Хм... не совсем утащили...

– ...и могли бы вы снять эту пелену с лица? Глазам уже больно, и голова сейчас заболит.

– Конечно, – кивнула собеседница, не обратив внимания на явный протест мужчины, и прикоснулась ко лбу левой рукой, до этого момента скрытой под водой, в которой у неё, как оказалось, был зажат «анкх».

Это движение неожиданно всколыхнуло память и напомнило произошедшее в музее.

Я инстинктивно попыталась увеличить расстояние, между нами, чем вызвала неудовольствие на открывшемся моему взгляду женском лице.

– Я такая страшная? – спросила она.

– Нет, – ответила, разглядывая удивительно красивые, правильные черты. – Просто вспомнила вот этот знак в вашей руке и тот момент, когда в последний раз его видела. Всё-таки голова болит, наверное.

– Здесь у тебя ничего не может болеть, – уверенно заявил мужчина, также открыв лицо прикосновением. – Здесь нет твоего Хат. Только Ка.

Кстати, он тоже оказался весьма красивым. Хотя немного настороженно на меня поглядывал. Не поняла... неужто думает, от его «неземной красоты» брошусь на него, что ли?

– Ну, что сказать, понятнее мне не стало, – произнесла сухо и повернулась к женщине. – Может, вы объясните нормально. Какого-такого Ка вам от меня надо? И кто вы такие?

– Моё имя Маат.

– Так... – протянула неуверенно, – так вроде звали какую-то богиню в Египте.

– Так и есть.

– То есть Вы – богиня?

– Люди приходили искать у меня истину. А это мой супруг Пта.

– Ещё лучше... И что насчёт того, что ваш муж говорил о моём теле? – я начала себя чувствовать, как на важных переговорах с высокопоставленными клиентами, от которых в любой момент можно было ожидать гадости.

– Твоё тело, дитя, осталось там же, на своём месте. Тут только Ка.

– Какое-такое это ваше Ка? – Как-то мне стало нехорошо от всего этого разговора.

– Это... – было видно, что богиня пыталась подобрать подходящее определение.

– Душа? – с дрожью в голосе спросила я. – Вы забрали мою душу, бросив в музей мёртвое тело?

Супруги изумлённо переглянулись.

– Нет, что ты, – воскликнула Маат и даже махнула рукой. При этом движении я вновь дёрнулась назад. – Твоя душа в твоём теле. Я забрала только Ка.

– И что же тогда такое это ваше Ка, если моя душа в теле... подождите... а что же я здесь такое? – с этими словами решила попытаться нащупать себя или хотя бы увидеть. От моего движения по воде начали расходиться огромные волны. А сознание потихоньку затапливало ужасом.

Неожиданно пришло спокойствие, когда, как шатром, меня окружили огромные белые крылья. Сама Маат увеличилась настолько, что я легко поместилась у неё на руках.

– Успокойся, дитя! Я всё объясню. Ка... это, говоря твоим языком, энергетический двойник человека. Его жизненная сила, черты характера. Его сущность.

– А что же тогда душа? Разве, кроме неё, что-то ещё есть в человеке?

– Его Ба. Это более подходит под твоё понимание души. Его ещё часто называют совестью.

– Да, у нас про тех, кто её не имеет, говорят «бездушный».

– Есть ещё Ах, чистый дух. То, что отходит к богам. Не нашедших упокоения Ах у вас называют призраками.

– И как поняла, это ещё не всё, – спросила, немного подумав.

– Конечно же, ещё Хат.

– Это же вроде тело... Пта сказал, что оно осталось в музее.

– Да. Так называют живое тело.

– А мёртвое называют по-другому?

– Сах. Так называют священные останки.

– Мумии?

– Да.

Видя, что я успокоилась, меня отпустили, а богиня приняла первоначальный размер.

– Дальше рассказывать? – улыбнувшись, поинтересовалась она.

– А это ещё не всё? Что-то слишком много всего намешали...

– Есть Иб. Сердце.

– Не поняла, его что, считают отдельно от Хат?

– Нет, физическое сердце называется Хати, дитя.

– А что тогда подразумевают под Иб?

– Это скорее рассудок и чувства. Поступки. Именно Иб взвешивают на весах, проверяя, достоин ли человек полей Иалу.

– Вспомнила! В какой-то передаче показывали рисунок на папирусе... с одной стороны на чаше весов было сердце, а на другой – перо!

– Так и есть, дитя, если на Великих Весах сердце не окажется легче моего пера, – и женщина прикоснулась к повязке на своей голове, – то тяжёлое Иб станет добычей Аматы. Она – Поглотительница Смерти, с телом гиппопотама, львиными лапами, гривой и пастью крокодила.

– То ещё чудовище, как мне кажется, – отметила, передёрнув плечами, представив подобное существо.

Парочка богов усмехнулась, посмотрев на меня, как на

неразумного ребёнка.

– Итак, продолжим далее. Сехем.

– Что, ещё не всё?!

– Нет, – произнесла Маат тоном уставшей от нерадивости ученика преподавательницы, – не всё. Сехем – это сила. Божественная сила. Бывает не у всех.

– А у меня?

– У того человека, что был в музее, её не было... но у тебя – будет.

– Вы как-то странно отделяете меня от моего тела, – подозрительно заметила я.

– Всё объясню позже. Дай мне закончить.

– Хорошо, слушаю.

– Шутит. Это тень человека.

– Просто тень? – спросила заинтересованно, но, наткнувшись на укоризненный взгляд богини, замолчала.

– И последнее... Рен. Имя.

– Ну да... пока имя человека на слуху, то и память о нём живет, – выдала, задумавшись. – Поэтому фараоны уничтожали имена своих предшественников?

– Не только, – вдруг присоединился к разговору до этого молчавший Пта. – Обладающие Сехем, зная чьё-то истинное имя, могут воздействовать на него.

– Колдовство? – уточнила, старательно выдавливая усмешку с лица.

– Божественная Сила, дитя, – ответила Маат, посмотрев,

как на бестолковую.

– Подведём итог, – сказала, тяжело вздохнув, – сюда утащили Ка, оставив моё тело и душу, – тут я вопросительно посмотрела на богиню, которая согласно кивнула, – на месте. Возникает вопрос. Что произошло с ними далее?

Маат вытащила перо из повязки и прикоснулась к поверхности воды между нами. От места соприкосновения стало разрастаться светлое пятно, в котором, как на экране, появилась картинка. Я увидела львиноголовую статую и себя рядом с ней. Вот я прикасаюсь к камню, убираю руку, поглядываю с испугом по сторонам, немного пятаюсь. Вот опять подхожу почти вплоты к изваянию и, постояв, протягиваю руку, прикасаясь к знаку «анкх». По моему телу и статуе пробегает еле заметная искра. И вот тело начинает медленно оседать. Подбегают люди. Кто-то, приподняв голову, подставляет к губам бутылочку с водой. Мои глаза открываются, я что-то смущенно говорю. Меня аккуратно поднимают. Смена кадров убыстряется, я уже в каком-то медпункте, где мне мерят давление.

Если смотреть со стороны, то там я выглядела вполне нормально. Как зомби себя не вела. Даже успевала что-то писать на мобильнике, с которым уже давно почти не расставалась.

– Ну хорошо, – отведя взгляд от «кино», произнесла почти примирительно, – мою Ка переместили и отдали вам. За чем?

– Я сама забрала твою Ка.

– Насколько понимаю, это была Сехмет. Вы можете пользоваться чужими статуями? Египтологи считают, что каждую посвящали определённой богине.

В этот момент голова Маат подёрнулась дымкой, и вместо человеческого лица на меня смотрела львиная морда. От негромкого рыка над её гривой возник небольшой огненный диск, на котором «плавала», перетекая из края в край, змея.

Вода вокруг стала явственно нагреваться и почему-то начала краснеть. Пта взял супругу за руку и нежно поглаживая, принялся шептать ей что-то в львиное ухо, которое смешно подёргивалось.

Диск над её головой погас и исчез. Львиная морда уменьшилась, превращаясь в кошачью. Мужчина аккуратно провёл рукой по мордочке и поцеловал носик.

В этот момент вода вернула свой прежний цвет и температуру, а голова богини обрела человеческие черты. Улыбнувшись, супруг впился поцелуем в её губы.

– Кхм-кхм... – решила обратить на себя их внимание.

– Другие моральные ценности и то, что считается добродетелью, – ответила женщина на его вопросительный взгляд, высвободившись из объятий мужа.

– Это что получается... Маат, Сехмет и ... Баст, если не путаю... – одно и то же лицо?

– Лица у нас как раз и разные, – возмутилась богиня, – ты разве не разглядела?

– Это идиома, – сообщила возмущенно, – я хотела сказать,

что все три богини – Вы и есть?

– Ну да. В зависимости от моего состояния я меняюсь. Меняются... как у вас говорят... функции, которые исполняю.

– Офигеть!.. – только и смогла произнести.

– Но ведь ты тоже была разная там.

Я с удивлением посмотрела на Маат.

– Давай разберёмся... когда ты была женой, то поступала и делала одно. Став матерью, по-другому. Ну, а на работе – вообще, третьей.

– Это совершенно другое...

– Думаешь? – усмехнулась она в ответ. – Просто на твоём физическом состоянии это не отображалось. Я же меняюсь. И каждый может понять, чем это грозит.

– Ладно, об этом я подумаю потом! Давайте вернёмся ко мне... вернее, к моему Ка, которое сейчас здесь и осознаёт себя личностью. – Я передохнула и собралась с мыслями. – Ты... забрала это самое Ка и перенесла сюда. Зачем?

– Наше великое наследие после тысячелетий существования разрушено. Его грабили, уничтожали. Сах множества потомков истреблены. Их вывозили на потеху публике, лишали покровов и портили под пьяные крики и смех. Многие тысячи Сах жертвенных животных были перемолоты и высыпаны на поля, как удобрение, рядом с городом Ливерпуль. А ведь когда мы правили миром, на том месте не было людей вообще. Гробницы осквернялись и разрушались.

Многие знания, оставленные нами, утеряны. Сам же Та-Кемет будет постоянно переходить из рук в руки иноземцам. Его надо сохранить. Уберечь.

– И как я могу это сделать, учитывая, что даже вы не смогли? Как верну наследие? Вы скажете, где что спрятано, и я найду?

– Нет, дитя, в этом течении времени ничего не поправить.

– Вы хотите сказать...

– Есть небольшой «выступ» в «реке», на который мы можем влиять. Подходящий для нужных действий человек теряет своё Ка.

– Это женщина? Как-то неудобно будет иметь тело мужчины.

– Женщина. Высокопоставленная... Хи-Хемет.

– И почему эта Хи теряет Ка?

– Уже вторые роды для неё заканчиваются рождением мёртвого ребёнка. Её Ка очень устало, и она захотела уйти на поля Иалы.

– Значит... умерла при родах, и я займу её тело?

– Тело станет твоим. Кстати, оно обладает Сехем, – вмешался в разговор Пта.

– Как я слышала в начале разговора, это ваша не первая попытка подселения чужого Ка?

– Да, дитя. Но последняя была особенно неудачной. Женщина не прожила долго.

– Угу... то есть там меня могут быстренько прибить?

– Нет. Это было именно её неправильное решение.

Предыдущие попытки жили дольше.

По воде пошли сначала небольшие волны, а затем я ощутила какое-то движение.

– Кажется, Амсет заметил присутствие Ка живого человека, – беспокоился мужчина.

– Ты прав, любимый. Нужно торопиться.

– И что будем делать? – удивилась их опасениям какого-то Амсета.

– Запомни, ты всегда сможешь связаться со мной в храме. В любом из моих храмов, для любой ипостаси. Я направлю тебе помощника на первое время, чтобы обучил и подсказал.

– А что же мне делать там?

– Для начала прими своё новое тело и свой народ. А потом обсудим твою дальнейшую судьбу. Надеюсь, у тебя всё получится. Сын уже подлечил нужное Хат.

– То есть вернуть меня обратно в родное тело не вариант?

– Я думала, ты будешь горда, что стала «избранной». Другие гордились.

– Им это как-то мало помогло...

В этот момент высокая волна накрыла нас с головой. Маат схватила и прижала меня к себе, удерживая рядом. «Анкх» засветился в её руке, и она прикоснулась им к моему рту. Всё вокруг исчезло.

Глава 2

В этот раз приходить в себя было больно. Всё тело ломило, а глаза не желали открываться, веки словно налились свинцом. Страшно хотелось пить. Открыв рот, почувствовала, что губы сухие и обветренные, а язык едва ворочается.

Больше всего смущала какая-то тяжесть в районе груди. Она не давала спокойно вздохнуть или пошевелиться. С трудом двинув правой рукой, закинула её на себя.

У меня есть шерсть?.. Такое дикое предположение придало векам недостающего усилия, и глаза, наконец, раскрылись.

На груди, уставившись на меня, лежала... кошка. Мне она показалась просто огромной. Большие янтарные глаза смотрели с интересом. Уши, кажущиеся полупрозрачными, слегка подёргивались, от чего волоски на их кончиках шевелились.

– Маат? – с трудом прохрипела, чувствуя, как рвётся плёнка на сухих губах.

Кошка великолепной рыжей масти хранила молчание, продолжая меня разглядывать.

– Значит, нет.

Отведя взгляд, принялась рассматривать место, в котором находилась.

Ну, что сказать... я в небольшом пределе огромного гипостильного зала. Величественные колонны, расписанные цветными фресками, уходили высоко вверх. Одни капители украшали рисунки в виде цветов лотоса, другие были стилизованы под листья пальмы. Весь потолок и стены вокруг тоже были украшены и расписаны иероглифами.

То, что мне уготован Египет, начала подозревать, как услышала имя Маат. Осталось понять, в каком времени нахожусь? А главное... В чьём теле?

Прижав к себе кошку, постаралась сместиться, так как поза была явно неудобной. Всё затекло и болело. Помню, что бывшая хозяйка «покинула его» после родов. Богиня упоминала, что та была высокопоставленной особой. Учитывая, в каком месте, напоминающем храм, я находилась, это уже не подвергается сомнению. Но где все? Она что, рожала в одиночестве?

С трудом опершись на локти, смогла немного приподняться.

Мои (ну, начнём считать, что уже мои) ступни покоились на странных кирпичках, сплошь покрытых рисунками. Ноги оказались согнуты, и положение тела напоминало «сидение» на восточном туалете. Чтобы не упасть, спина упиралась на подставку, видно, куда и откинулась женщина при последнем вздохе.

М-да... странная поза для родов. Ноги в таком положении затекли и при принятой попытке пошевелиться страшно за-

кололи. Крик удалось сдержать с большим трудом.

– Милая, я сейчас тебя отпущу на пол, хорошо? – обратилась к кошке. – Мне тяжело тебя держать.

Подпихнув её под попу, заставила слезть. После, опираясь одной рукой на подставку, а другой на стоящую рядом колонну, принялась потихонечку выпрямляться. Разгибалась медленно и с трудом, стараясь не упасть. Повернувшись, заметила находящееся за «родильным приспособлением» кресло. Тонкая деревянная рама, с натянутой на спинку и сидение материей. Напоминало это лёгкие складные стулья, которые мы брали с собой на пляж. Только там рама обычно была алюминиевая.

Из последних сил сделав несколько шагов, подвинула кресло ближе к колонне и, придерживаясь за неё, медленно в него опустилась.

– Ну вот, так гораздо лучше! – призналась самой себе.

Устроившись поудобнее, приступила к изучению доставшегося мне «в наследство» тела. Делалось это легко. Я была совершенно голой.

Итак, что мы имеем... Тонкие пальцы с прокрашенными ногтями и довольно узкие ладони, что явно не знали работы... Ну да, высокопоставленная Хи. Помню. Руки немного полноваты. Беременность и всё такое. Упругая грудь. Естественно, молоко поступает, а кормить будет некого. Большой живот и опухшие ноги. При том всё внизу в кровавых разводах.

А вот на полу, где я «восседала» на «кирпичиках», крови нет. Значит, дитя приняли и унесли, оставив роженицу здесь.

Кошка всё это время с интересом наблюдала за мной. Как только я прекратила себя осматривать, она подошла и, запрыгнув на колени, разместилась на животе, уложив голову между грудей. Поёрзав, прикрыла глаза и заурчала.

– И что будем делать? – спросила у неё, почёсывая за ухом.

Несмотря на наготу, холодно мне не было. Крыша нефа дарила приятную прохладу. Тело до сих пор отзывалось болезненным покалыванием. Хотелось лечь. Но делать это на полу было неразумным. Придерживая кошачью тушку, вытянула ноги, старательно двигая ступнями.

– Ну что вы, господин Аапехти, – услышала я вскоре голоса, доносившиеся из левого прохода. – Это не из неуважения к вам. Как вы могли такое подумать? Просто Великая Миу, почитаемый оракул данного храма, возлегла на теле Несут Хемет. И мы не смогли её забрать. На любые попытки это сделать она шипит и царапается. Мы просто не посмели более к той прикасаться.

– А что же сказали наперсницы-повитухи великих коров Хесай и Шаматорет?

– После того как роды завершились, они забрали тело дитя для омовения и подготовки к бальзамированию. Присутствующий тут храмовый лекарь заявил, что госпожа тоже отправилась к полям Иалы. Нам же было поручено унести её, но не получилось.

– И вы хотите, чтобы я забрал Великую Миу?

– Да, уважаемый Аапехти. Вы очень нам этим поможете.

Ведь повелитель захочет попроситься со своей супругой, перед тем как парасхиты¹ повредят её брентную оболочку. А мы до сих пор её не обмыли.

– Ну хорошо, – услышала я, и говорившие, наконец, появились из-за колонны.

Немая сцена, достойная пера Гоголя...

Трое мужчин круглыми от испуга глазами смотрели на меня, пока я медленно почёсывала кошку... Что странно, нагота совершенно меня не стесняла. Или переволновалась, или устала, или для этого тела в данном виде не было ничего предосудительного. Погладив продолжавшую урчать хвостатую, решила всё-таки разрушить наступившую тишину.

– Я хочу пить, а также мне желательно помыться перед тем, как меня захочет видеть... сиятельный супруг.

Те двое, что были в коротких белых повязках на бёдрах, бухнулись на колени, уткнув лица в пол. А высокий обладатель длинной, плиссированной юбки, поклонился в пояс.

М-да, если буду умирать, вместо помощи окружающие будут только «дышать прахом» у моих ног... Интересно, когда они отомрут?

– И долго мне ждать? – спросила раздражённо.

– Как прикажете, госпожа! – Разогнулся стоящий. Он под-

¹ Каста бальзамировщиков, специализирующихся на вскрытиях трупов для извлечения внутренностей перед муумификацией.

толкнул ногой ближайшего к нему мужчину. – Ты слышал, что велела сиятельная?

Слуги, наконец, отмерли и бросились в разные стороны.

А жрец... ну кем ещё мог быть этот лысый, высокий и сухой, как палка, человек с длинным посохом? Грудь его украшал золотой «глаз». Интересно, он что, прислужник Ра?

Так вот, жрец на «побег» поглядел очень недовольно, даже покачал головой.

– Как вы себя чувствуете, госпожа? – сказал он, вновь низко поклонившись.

– Тело болит, голова шумит. Всё кружится.

– Вы сами сели в кресло? – поинтересовался тот настороженно.

– Естественно. Когда пришла в себя, тут никого не было.

– Вы помните меня, госпожа? – задал вопрос мужчина после непродолжительного молчания, пока осматривал меня, а я разглядывала рисунки на колонне.

– Честно говоря, нет, – решилась на откровенность, поняв, что испытываю к нему странное доверие. – Всё вокруг кажется незнакомым.

– Значит, я правильно понял указание богини, – он опять поклонился, вздохнув с облегчением. – Моё имя – Аапехти, всемилостивейшая. Я жрец храма Бастед в Бубастисе. Вы были у нас с супругом много лет назад. Мне была дарована честь читать вам некоторые свитки из храмовой библиотеки.

– Не помню, – помотала для убедительности головой.

– Я так и понял, – улыбнулся в ответ мужчина. – Из-за неотложных дел мне пришлось задержаться здесь, в Пилаке. Издалека лицезрел я приезд вашей благословенной четы. Но не был допущен. Вас готовили к родам в этом храме Великой Хатхор, а ваш супруг, окружённый свитой, удалился молиться.

Жрец поклонился снова, но после моего кивка продолжил:

– Во время одинокого ночного молитвенного бдения мне явилась Великая Бастед. Она заявила, что мне выпала честь встретить и обучить новое, ярчайшее Ка, которое спасёт и прославит Та-Кемет. А также обязала меня служить и помогать ему всеми доступными способами.

Он вновь поклонился и выжидательно уставился на меня. На вид ему не более тридцати лет. Черты лица довольно правильные. Выбритый череп поблёскивал, чем-то смазанный. Но мужчина совершенно не напоминал египтян моего времени. Что естественно, ибо уже много веков в привычном мне мире это место захвачено арабами.

Аапехти походил на что-то среднее между греками и итальянцами. Сероватые, подведённые чёрным глаза и нос с горбинкой. Чуть смуглая, загорелая кожа человека, много находящегося на солнце. Интересно, если бы не лысина, какого цвета были бы его волосы?

Мхатовская пауза уже начинала того напрягать, и мне пришлось ответить.

– А почему вы решили, что новое Ка именно во мне?

– Всё просто, госпожа, – расплылся мужчина в кошачьей улыбке, – я думал, что мне предстоит стать учителем вашего ребенка. Но... как вы понимаете, это стало невозможно. Ка не наполнило рождённое тело. К тому же уважаемый Неби – очень хороший лекарь. И никогда бы не назвал человека в забвенье умершим.

– А может, у меня была клиническая смерть?

– Какая, госпожа? – недоумённо уставился на меня жрец. «Следи за речью», – шлёпнула себя мысленно по губам.

– Ну... сердце ненадолго остановилось, а потом опять заработало.

– Угу... и поэтому Великая Миу, что редко покидает отведённый для неё предел, защищала ваше тело от слуг бальзамировщика, как разъярённая Сехмет.

При упоминании львиноголовой я вспомнила её образ и тот жар от огненного диска, что распространялся вокруг. А особенно кровь, в которую стало превращаться море первородного хаоса. И это была именно кровь. Я тогда не обратила внимания, но точно проявился металлический запах.

От воспоминаний меня передёрнуло. И я с большей интенсивностью принялась почёсывать кошачью шею. Та замурчала сильнее, вибрируя уже всем телом.

В этот момент стали доноситься приближающиеся крики и топот множества ног. Вместе с одним из ушедших слуг ко мне бежали несколько женщин. Одна из них была явно стар-

шей в этой группе, правда отставала от остальных. И хотя все они носили чёрные, завитые косами парики, именно у неё снизу на них были надеты небольшие золотистые бусины.

Когда дамы приблизились и, встав на колени, попытались бесцеремонно ощупать меня, орошая тело слезами, кошка в ответ разъярённо на них зашипела. Именно эта полная женщина, наконец, добежав, прикрикнула на остальных, чтобы не прикасались ко мне, и, игнорируя защитницу, протерев моё лицо платком, поцеловала в лоб, улыбаясь сквозь слёзы.

– Девочка моя, твоя старая няня уже готовилась пойти вслед за тобой, когда этот недостойный принёс славную весть, что ты пришла в себя. Я потом расцарапаю этому презренному Небё его презренную рожу за то, что он так обманул нас. – Потрясла она кулаком куда-то вглубь храма. – Бедный наш господин, твой супруг, вне себя от горя.

Забрав с подноса в руках коленопреклонённого слуги узорную чашу из какого-то полупрозрачного материала, женщина поднесла её к моему рту, помогая напиться. Когда я попыталась сама удержать сосуд, то поняла, что сил для этого ещё недостаточно.

Моя «старая» нянечка старой мне совершенно не казалась. Выглядела она лет на сорок. Да, лоб её был уже прорезан морщинами, и вся кожа вокруг подведённых глаз покрыта «гусиными лапками». Но это полноватая женщина была явным «живчиком», и, как она собиралась «пойти вслед», я не понимала. Самоубиться, что ли?

– Пия, – неожиданно для себя произнесла, улыбнувшись.

– Да, моя девочка. Я тут и не оставлю тебя.

Её прикосновение внезапно пробудило какие-то неясные воспоминания...

Огромный белый дворец. Я стою... на балконе, наверное. Скорее всего, мне совсем мало лет, потому что балюстрада доходит мне до самого носа. За руку меня держит любимая нянечка, ещё молодая, и что-то рассказывает. Но мне неинтересно. Я смотрю вниз. Множество столов на залитой солнцем площади ломятся от разложенной на них еды. А в её центре стоит высокий мужчина, простерев руки к небу. Сильно выпирающий живот нависает над белой плиссированной юбкой, а лысую голову его украшает красно-белый вытянутый па-схемти².

Видение вызвало приступ головной боли. Но я ясно осознала, эта женщина нянчила предыдущую владелицу данного мне тела с детства и любила, как собственную дочь. У неё есть и родная дочь Нефрет, которую я помогла в своё время удачно выдать замуж.

Что это? Проявление Ба этого тела? Если каждый раз получение крупницы воспоминаний будет сопровождаться такой болью, я долго не выдержу.

² Па-схемти («Пшент») («две сильных») – корона древнеегипетских фараонов. По происхождению представляла собой две соединённые короны: красный «дешрет» правителей Нижнего Египта и белый «хеджет» правителей Верхнего Египта. Символизировала мощь фараона объединённого Египта. Могла надеваться поверх другого царского головного убора – платка немеса.

– Всё уже хорошо, Пия. – Похлопала я радостно плачущую женщину по руке. – Мне надо привести себя в порядок, распорядись, пожалуйста.

Няня несколько секунд смотрела на меня, потом согласнo кивнула и, схватив ближайших девушек за уши, пинками стала поднимать остальных с пола и раздавать команды.

Аапехти наблюдал за всем этим с плохо скрываеmой улыбкой. Когда меня оккупировали женщины, он отошёл на несколько шагов назад и стоял, опершись на свой посох.

Уходящие с поручениями девушки пятились, не поворачиваясь ко мне спиной. Хм... вот почему жрец был так недоволен слугами, когда те, наплевав на правила, умудрились продемонстрировать мне свою пятую точку. Даже нянечке пришлось зайти за колонну, объясняя что-то последней оставшейся служанке, чтобы не показывать мне спину.

Аапехти воспользовался этим, чтобы опять приблизиться.

– Ваша Ка объединяется с телом. Вы вспомнили няню.

– Да. Сама не ожидала. Но это вызывает головную боль. Кроме того, проявившейся информации невероятно мало... а у меня возникло множество вопросов, на которые нужны ответы. Но, как понимаю, сейчас не время.

– Я буду рядом и стану помогать вам. Думаю, стоит обратиться к храмовому лекарю, он подготовит для вас настой. Скоро вы окончательно сольётесь. И ещё. Обращаясь к слугам, никогда не говорите «пожалуйста». Это неприемлемо. – И он низко поклонился.

– Хорошо, запомню.

В этот момент вбежали загорелые мужчины в небольших белых схенти³. На плечах они несли красивый паланкин. Поставив его на пол, трое из них упали лицами в пол, а один попытался меня туда пересадить, но рыжая охранница вновь начала шипеть. И тут на помощь пришёл жрец. Протянув руку, он почесал кошку за ухом, нагнулся и что-то прошептал в него. Затем без труда взял её на руки и отошёл, давая слугам возможность мне помочь. Но в свои права вступила Пия. Отпихнув мужчину, та сама помогла мне встать и пересестись на мягкие подушки внутрь полупрозрачного шатра.

Дорога дальней не оказалась. Меня просто перенесли в другой зал, где располагался неглубокий бассейн, а вокруг, склонившись в поясе, стояли несколько девиц. Няня, сопровождавшая мой паланкин, и здесь не отдала никому возможности спустить меня по ступенькам в воду.

Сбросив с себя платье и аккуратно сняв парик, который передала служанке, принявшей его с поклоном, Пия начала нежно протирать меня небольшой тряпицей, смоченной в приятно пахнущей жидкости.

Её прикосновения снова вызвали даже не воспоминания... просто знание. Пия носила титул «хемет» – няни в царской семье. А значит, кем бы ни был мой супруг, родилась я в семье фараона.

До этого у меня была ещё «менат» – кормилица, умер-

³ Схенти – набедренная повязка.

шая несколько лет назад. От этого воспоминания болезненно сжалось сердце.

Появляющиеся знания хоть и радовали... но возникал вопрос. Куда делась душа бывшей хозяйки тела? Если моё тело продолжало спокойно жить и без Ка, то почему Ба этого не сопротивляется подселенке?

Здесь было явно что-то нечисто, и мне хотелось поскорее озадачить вопросами того единственного, кто был в курсе и мог мне помочь, ответив на них. Лучше бы, конечно, напрямую попытать саму Маат, но до какого-нибудь её ближайшего храма неизвестно сколько добираться.

Посему решила мысленно копить вопросы, которые предьявлю ей сразу при встрече.

Когда Пия перешла к мытью головы, поняла, что и сама совершенно лысая. Дотронувшись пальцами до макушки, почувствовала колючий ёршик давно бритых волос.

– Ты права, милая, надо уже привести тут всё в порядок. Но не сейчас. Господин наш изнывает от желания видеть тебя. Нужно поспешить.

Поддерживая меня за руку, она с осторожностью вывела из бассейна и усадила в небольшое кресло, похожее на то, в котором я сидела ранее. Только у этого сидуха была сделана из кожаных полос.

Мне подали прохладный сок какого-то фрукта в тонкостенной алебастровой чаше. Он придал сил и, кажется, даже снял болевые ощущения. Скорее всего, обещанный жрецом

настой от местного эскулапа.

Девушки сначала промокнули всё моё тело длинным куском ткани, а затем sporo натёрли приятно пахнущим маслом. Сама няня наносила подводку на глаза и помаду на губы. Затем мне пришлось подняться и надеть несколько полупрозрачных белых накидок, а следом большой плиссированный «халат», который был окрашен в красивый градиент от жёлтого к красному.

Меня подпоясали и усадили. Приблизилась служанка, несущая деревянную подставку с объёмным чёрным париком, сплошь украшенным бусинами, вперемешку золотыми и бирюзовыми. Пия аккуратно надела его на меня, предварительно смазав голову каким-то прохладным кремом.

Одна из девиц поставила передо мной изящные сандалии, отделанные золотом и мелким бисером. Больше всего они походили на вычурные и дорогие «вьетнамки» моего времени.

Всё это время забегали служанки, узнавая степень моей готовности. Наконец, дождавшись подтверждающего кивка моей няни, одна из них убежала, оповещая о нашем выдвижении.

Придерживая за руку, Пия повела меня к выходу из зала с бассейном. Тут из-за колонн неожиданно вынырнул Аапехти и пристроился сзади, потеснив остальных девушек, следующих за нами.

Были слышны голоса, видно, служанка передала, что ме-

ня уже можно видеть, и приближалась минута встречи с супругом.

Не успела я выйти, как из бокового коридора показался молодой мужчина. Прихрамывая, он опирался на небольшой посох при ходьбе. Голову его прикрывал полосатый платок, плиссированная белая юбка достигала всего лишь колен, зато широкое, богатое ожерелье покрывало гладкую грудь. Всё остальное сопровождение носили или маленькие обручи, или подвески.

Увидев его, всё моё сопровождение грохнулось на колени, как всегда, лицом в пол. Несмотря на хромоту, мужчина довольно прытко приблизился ко мне.

– Ты жива, любовь моя. Как же я рад, что Осирис услышал мои молитвы, – заявил он, выронив посох, и обнял ладонями моё лицо.

– Конечно, услышал, повелитель, – кивнул пожилой мужчина в длинной юбке. – Все знают, именно тут Исида захоронила его останки.

Проигнорировав говорившего, супруг гладил мои щёки большими пальцами. Мне он казался довольно милым, и даже небольшая расщеплённая губа не портила этого впечатления. Странно, его прикосновения вызывали приливы нежности и желание прижаться.

Губы сами собой растягивались в улыбке. Неожиданно мне так захотелось его поцеловать, что я тут же совершенно бесцеремонно и сделала. Эти двое явно были давно женаты,

и не знаю, как моя предшественница, но супруг её явно любил.

Именно после поцелуя поняла... Маат назвала не моё новое имя.

Хи-Хемет – это положение – «госпожа дома». Полностью меня следовало называть Та-Хемет-Несу, что скорее является титулом – «Великая царская жена».

Это что у нас получается?.. Я супруга этого молодого человека? Да, не Алэн Делон... даже рядом с ним не стоял. А если отбросить то притяжение, которое испытывает к нему моё тело, то, скорее, его можно назвать страшноватым, учитывая небольшую, но заячью губу.

Честно говоря, я ещё не знаю, как выгляжу сама, и, может быть, я – то ещё чудовище, но меня любят, а в царских семьях это редкое явление.

Поэтому будем плясать от того, что есть в наличии.

Имитировать радость встречи не приходилось, тело само реагировало на мужа правильно. Оставалось пока «плыть по течению».

– Я был убит горем, любимая, и уже передал тело нашей дочери распорядителям. Ведь думал, что потерял и тебя. Ты не сможешь её увидеть и оплакать до окончания срока бальзамирования.

А это большой прокол. Я не спросила про рождённого ребёнка. Нужно импровизировать.

– Не кори себя, мой возлюбленный супруг! Мы всё равно,

в конце концов, встретимся на полях Иалу⁴. А до тех пор ты поддержишь меня в моей печали, – произнесла, испытывав необъяснимый приступ красноречия.

Мужчине поднесли уроненный посох, и мы проследовали с ним в небольшой сад, расположенный в атриуме, где в тени деревьев стояла пара кресел, в которые мы иже уселись. Сопровождающие же нас люди остались у стен.

Устроившись рядом, муж взял меня за руку и не отпускал, разглядывая. Заговорил он о чудовищной боли, которую вызвала новость о том, что потерял не только ребенка, но и любимая супруга покинула его. О том, как плакал и кричал в храме. И, наконец, о радостной вести, которой сначала боялся поверить. Но теперь, видя меня рядом, ощущая тепло моего тела, к нему возвращается умиротворение.

Мужчина всё ещё что-то говорил, говорил... а я неожиданно осознала, каким именно именем он меня только что назвал. И это осознание не принесло ничего хорошего.

Я поняла, кем именно является мой супруг. И осознание скорой грядущей беды скручивало живот.

Хотелось вновь увидеться с Маат и выдрать все её роскошные локоны.

⁴ Поля Иалу – «поля камыша» или «поля тростника» – в древнеегипетской мифологической традиции часть загробного мира (Дуата), в которой праведники (или их Ка) обретают вечную жизнь и блаженство после суда Осириса.

Глава 3

Как именно начинается царское утро? Я вам скажу... Безжалостным подъёмом, когда рассвет всего лишь забрезжил на горизонте. За что? Дайте поспать!

– Понимаю, госпожа устала, но так много надлежит сделать, пока не наступил полдень, – не унималась Пия, старательно спихивая моё новое брненное тело с подобия кровати.

Ну так, эту жёсткую софу с подставкой под шею вместо подушки иначе чем «прокрустовым ложем» и не назовёшь. Я и заснула, вернее, даже отрубилась без сил, едва только небо стало немного светлеть. Те несколько часов сна и отдыхом назвать сложно.

Древесина в Египте, в отличие от камня, слишком дорога. Посему даже эта «доска» – невероятная роскошь. А привычные нам подушки могут сойти только за рассадники клопов и вшей. Кстати, именно поэтому все уважающие себя люди здесь поголовно бреют головы.

Те, кто могут себе это позволить, носят парики. Многие выбирают для них шерсть животных, небогатые используют волокна растений. Мой – самый дорогой, сделан из человеческого волоса, специально привезённого из Вавилона. Но всех нас объединяет чёрный цвет парика, который в моде уже многие столетия.

Только чужеземцы, да ещё жители трущоб не прибегают к подобному. Правда, последние по большей части совершенно не задумываются о чистоте.

– Омовение для Великой царственной супруги Анхесенамон готово, – заявила проскользнувшая в покои служанка, пока я пыталась разлепить свои глаза.

Угу, зовут меня теперь именно так... представьте себе... Анхесенамон. Живущая во славу Амона... это если в переводе.

Нет. К героине известного фильма про восставшую мумию, поглощавшую жизненные силы, предыдущая владелица этого тела не имеет никакого отношения. Потому что моим возлюбленным супругом является... Тутанхамон. А вот тут, да, он самый!

Когда богиня рассказывала о прошлом, я как-то не задумывалась, в какой именно временной промежуток меня отправят. И, честно говоря, была не готова к любому рывку, не говоря уже о таком! Если не ошибаюсь, то между мной и моим прошлым телом разница почти в три с половиной тысячелетия. Точной даты правления супруга не помню, потому, думаю, нахожусь я сейчас в пределах полутора тысячелетий ДО нашей эры. Пихнули, так пихнули.

Но не в этом самое гадство. Фараон Тут... ну что делать, называть его длинным именем постоянно, будет затруднительно, поэтому просто «Тут». Так вот, умер он, как я помню, очень молодым. Кажется, до двадцати не дожил. Плюс

– минус. А вот про его жену вообще ничего не понятно. Та просто исчезла. Во всяком случае, какой-то более точной информации я не помню и фильмы про неё, кроме того, глупого, голливудского, не снимали.

Если верить Маат, такая странная судьба – вина последней «подселенки». Что именно она сделала, нужно будет уточнить у богини. Увы, но просторов интернета здесь нет. Да и телефона не наблюдается. Требуется как-то решить вопрос со «связью». Иначе в храм не набегаешься.

Кстати, нужно узнать, какие ещё есть храмы на острове.

Ну, а мы с супругом вчера до вечера отдыхали в саду. Весна... всё вокруг цветёт и божественно пахнет. Молодая листва уже вполне способна давать тень. Никто не мешал, понимая, что фараону нужно отойти от шока. Смерть ещё одного ребёнка – это одно, а вот потеря любимой жены... Так что его настойчивое желание держать меня за руку и не отпускать было вполне объяснимо.

Когда солнце стало клониться к закату, нам подали ужин прямо в сад. Блюда встречал долговязый мужчина, который пробовал всё подаваемое. Стол ломился от различного вида мяса и птицы... варёное и запечённое, оно заполнило всё пространство. На отдельном небольшом столике приютилась плетёная корзина с булками, часть из которых была почему-то треугольной формы. Те распространяли аромат свежего хлеба.

Есть пока не очень хотелось, но пришлось заставить себя

проглотить немного. На хлеб, хотя тот и пах одуряюще, сил уже не хватало.

Стараясь проявить больше заботы о мертворождённой дочери, попросила мужа остаться на острове до окончания периода бальзамирования. Мне требуется немного времени, чтобы как-то «вписаться» в окружающую среду. Естественно, для решения этих вопросов понадобилось посоветоваться с сановниками, находившимися здесь же. Призванный для отчёта калхит, управляющий церемонией бальзамирования и погребением, обещал, что тарихевты⁵ справятся за срок дней, и положенных семьдесят ждать не придётся. Тельце младенческое.

Услышав это, супруг решил остаться здесь почти до наступления нового года, который, судя по проявившимся воспоминаниям тела, приходится на Ахем. Период, когда наступает разлив Нила, а звезда Сотис⁶ восходит на утренней заре. Поразительно, но египтяне уже многие тысячелетия, считая даже от этого времени, имеют календарь и знают точное количество дней в году. Но тот разбит не на привычные четыре, а всего лишь на три сезона.

«Наводнение» – Ахем – если судить по воспоминаниям моего нового тела, самое жаркое время года. Определила его расположение где-то с июля по октябрь. Как понятно из названия, в этот момент и происходит разлив Великой реки.

⁵ Тарихевты – бальзамиривщики.

⁶ Сириус.

«Посадка» – Перет – примерно с ноября по февраль. Вода спадает, оставляя на берегах плодородный ил, в который то-ропливо высаживаются семена. В этот сезон случаются частые пыльные бури.

Ну и «Засуха» – Шему – время, на которое приходится сбор урожая. Самая весна, с марта по июнь. Хотя, если бы земля была более плодородной, а вокруг не располагалась бы пустыня, урожай можно было снимать и дважды.

Вот такой вот заковыристый год, совершенно отличный от знакомого мне. Самое смешное, что он делится на традиционные двенадцать месяцев, ровно по тридцать дней.

Вы спросите, куда девались ещё пять? А никуда. Они не входят ни в один месяц. Просто перед новым годом, в конце месяца Месут-Ра, считаются дни Хериу-Ренпет, или «те, что вне года». И празднуются как дни рождения богов – Осириса, Гора, Сета, Исиды и Нефтиды. Дни большой пятёрки.

Вот до праздника рождения Осириса мы и должны были оставаться на Пйлаке, «острове конца», на самой южной границе царства с Нубией. Местный жрец настоял на этом, обещая незабываемое зрелище. Здесь этот день праздновали с размахом. По преданиям, именно тут, на острове, и были погребены части тела Осириса.

На вопрос «Какого чёрта фараон делает так далеко от столицы?» ответил чуть позже Аапехти. Последнюю пару недель моя предшественница чувствовала себя плохо. В местный знаменитый храм Хатхор царственная чета прибы-

ла на время родов, надеясь получить благословение богов. Ведь предыдущие завершились мёртвым младенцем. Но боги не помогли.

Так вот, мне пришлось заявить мужу, что Бастед через Великую Миу приложила руку к моему спасению. Что, впрочем, было совершенной правдой. И упросила супруга оставить при мне жреца из Бубастиса, чтобы он ежедневно возносил со мной благодарность богине. Местным храмовникам моё желание пришлось не по вкусу. Зато Аапехти теперь мог беспрепятственно находиться рядом с Та-Хемет-Несу, служить которой считалось невероятной честью.

Тутанхамон хотел и сам присоединиться к нашим молитвам, но тут настоятель храма Хатхор не выдержал, требуя присутствия «повелителя обеих земель» в храме. Что в принципе меня устраивало.

Расположиться нам предложили в доме главы города, так как дворца наместника тут не было. Куда при этом переехал сам глава, мне было неизвестно. Хотя, по идее, мы могли бы вернуться на корабль, что с небольшой флотилией сопровождения стоял у причалов.

«Ванна», куда меня, наконец, привели, конечно, нечета храмовой. Даже не бассейн в полном смысле слова. Просто полутораметровое мелкое изразцовое «корыто», утопленное в полу, с проточной водой. Хотя, надо признаться, фрески на стенах были довольно красивые и яркие.

А вот «туалет» меня вчера впечатлил. Небольшое плетё-

ное кресло из тростника с крупной «дыркой» по центру сидения, установленное через искусственную «реку», проходящую сквозь дом. Вначале она текла через бассейн, следом проходила «оросительным каналом» по саду и в нём, перед самым «выходом» было построено несколько уединённых «беседок» с вот таким удобным креслицем. После использования по назначению требовалось «омовение». Для этого дела рядом всегда находился небольшой удобный кувшин.

У меня же для помощи была служанка, избавиться от которой не было возможности. Она просто не понимала моих настойчивых просьб отойти. Или хотя бы отвернуться. Так и просидела рядом на коленях. От расстройства психанула и приказала смотреть вниз. Та и уткнулась лицом в землю. Чувствовала я себя при этом «препоганейше».

Кстати, служанки – это вообще отдельная тема. Понятно, что моей «царственной особе» прислуживали не рабыни, и некоторые особы порой происходили из довольно-таки состоятельных и известных семей. Служба эта являлась большой милостью и почётом. Да и выполняли они в основном нетрудную и негрязную работу. Так, подай – принеси.

Другое дело в простых семьях. Вот здесь – да, трудились рабы. И чаще всего совершенно голые. При том как мужчины, так и женщины. К наготы тут относились совершенно спокойно. Одежда не столько закрывала от взглядов, сколько была показателем статуса.

Естественно, в помощь к моим девушкам хозяйева дома приставили несколько нагих рабынь. Большая часть которых была абсолютно чёрными, что вполне понятно: Нубия под боком.

Итак, водные процедуры рано утром, это я вам скажу, бодрит, однако. Далее «наведение красоты» и одевание. А вот в косметологии, как оказалось, «мы впереди планеты всей». Десятки кремов и мазей для каждой части лица и тела. На выбор несколько баночек с помадой разных цветов и запахов. Не говоря уже о притираниях из благоухающего масла. Правда, боюсь представить, из чего это всё сделано. Учёные в моё время заявляли чуть ли не о полной таблице Менделеева внутри подобных средств.

Но я стойчески выдержала сначала бритьё головы, потом все положенные косметические процедуры. В этот раз мне на выбор принесли несколько париков. Скорее всего, доставили с корабля. Выбрала более короткий, с меньшим количеством украшений (мне это всё на себе носить). В специальное же углубление на макушке положили благоухающий конус.

Одна из девушек хотела было подать мне отполированное серебряное зеркало, но я отказалась. Пока ещё осознавать себя в чуждом отражении не готова.

Одеяние сегодня было особенно красочным – небесно-голубым. Всё тот же лён прекрасной выделки и почти прозрачный.

Ну вот и всё, можно идти завтракать... а, нет. Несут укра-

шения. Браслеты на предплечья и кисти рук, кольца почти на каждый палец и неширокий усех⁷ с головами ястреба по краям. Это ожерелье по сравнению с теми, что видела на богах, было намного скромнее.

Наконец девушки кланяются, приглашая пройти на скромную террасу. Здесь меня ожидает хозяйка. При моём появлении та падает на колени, уткнув голову в пол.

– Вы можете её отослать, – слышу я шёпот неожиданно появившегося за моей спиной Аапехти.

– Мы гостим в её доме, это неудобно.

Жрец посмотрел на меня удивлённо. Кивнув каким-то своим мыслям, продолжил:

– Если будете говорить с ней сами, то этим окажете великую милость.

– Мне теперь что, через кого-то постоянно с людьми общаться? Да и лишить хозяйку завтрака... в её же доме...

– Скажите ей, что позволяете подняться и разделить с собой трапезу, – заявил жрец, явно не испытывая одобрения происходящему.

Повторив подсказку, с важным видом устроилась в плетённом кресле, слава богу, без всяких дыр. Дама при этом расположилась на полу, застеленном ковром. Рабыни подложили под неё ещё несколько небольших ковриков для мягкости. Слева для удобства поставили свёрнутый из чего-то чурба-

⁷ Усех – древнеегипетское широкое ожерелье-воротник с несколькими рядами бусин и иногда с фигурными изображениями-символами по краям.

чок, на который та оперлась.

Хозяйка оказалась женщиной под сорок, полненькой и круглолицей. Широкий чёрный трёхчастный парик придавал ещё больший объём её голове. Плиссированный верхний халат был чисто белым. Ожерелье менат, состоявшее из многочисленных нитей с круглыми бусинами синего и бирюзового цвета, украшало её грудь. По центру нитей свисал манжет, к которому они крепились. Выполнен тот был в виде стилизованного женского торса, завершающегося коровьей головой с рогами.

Рядом с ней опустилась на ковёр Пия. И раз она сделала это, ничего не сказав, то, скорее всего, мы всегда вместе принимаем пищу.

Накрытый стол, в отличие от вчерашнего, не впечатлял. Пару видов сыров наподобие брынзы, салаты и зелень разных сортов. Несколько тарелок явно каких-то овощей, из которых я смогла распознать только огурцы и редис. Зато большое блюдо спелых фруктов радовало.

– Прости, девочка, но сегодня без мяса, – произнесла Пия, усаживаясь поудобнее.

– Это в связи с трауром, – услышала я шёпот жреца. – Нельзя ничего готовить.

Кольнуло осознание, что и цвет моего наряда неспроста. Именно этот небесный оттенок используют для траурного одеяния. Хорошо, что няня позаботилась.

Передо мной лежала глиняная тарелка с необычайно кра-

сивым узором. Я уже думала брать еду руками, как вчера на ужине с супругом... но, получив лёгкий тычок в спину от стоявшего за мной жреца, взглянула на опустившуюся сбоку от меня на колени рабыню. Та держала глубокую, наполненную водой миску с плавающими лепестками цветов. Понятно... сначала стоит вымыть руки. Странно, что нас вчера так не обслужили. Просто дали в конце вытереть руки.

Промокнув влагу поданным полотном, заметила, как моя служанка протягивает открытую шкатулку. А вот тут действительно удивилась. Это были приборы из слоновой кости, инкрустированные золотом. Не очень глубокая ложка, двузубая вилка и небольшой нож. Этикет, однако!

Пия отделила по небольшому кусочку от каждого угощения, сложив в одну миску. Подошедший мужчина в белом переднике, с медным браслетом и несколькими кольцами на правой руке, опустился на колени рядом с ней. Он аккуратно, беря еду руками, съел всё предложенное. Подождав минуту, нянечка отпустила того кивком головы. Пища была признана неопасной.

Есть с утра как-то не хотелось, но сыр, зелень и овощи были хороши. Да и отравить их намного сложнее. Подумала, что неплохо было бы добавить сюда омлет и кофе, но отогнала подобные мысли. Хотя... насчёт кофе нужно будет потом порасспрашивать.

Сопевший за спиной жрец успокоился, когда заметил, что пользоваться приборами я умею.

Удручали только мучные изделия. Вчера я их так и не попробовала. А сегодня... на зубах поскрипывал песок. Они его что, специально туда насыпали в таком количестве?

В высоком полупрозрачном бокале мне подали свежее молоко. Судя по воспоминаниям, это очень дорого и является показателем достатка. Естественно, перед этим питьё было опробовано на рабе. Хорошо хоть благодаря молоку удалось избавиться от странного ощущения во рту после потребления хлеба.

Нянюшку же угощали пивом и фруктовым соком. С удовлетворением заметила, что та предпочла сок. Пиво с утра... вечный Октоберфест, блин, ведь тут пиво – что-то вроде национального напитка, правда, оно очень густое.

– Вам нужно начать беседу, – прошептал Аапехти мне в затылок, когда молоко было почти выпито.

– У вас очень красивый дом, госпожа...

– Субира, моя царица.

– Очень приятно.

– Это счастье принимать вас, Солнцеликая.

При этих словах жрец непонятно дёрнулся и, кажется, даже фыркнул.

– Здесь ещё помнят Атона, – прошептал он еле слышно.

А вот мне пришлось схватиться за подлокотник. Воспоминания навалились с новой силой... Огромный дворец из белого камня. Анфилады комнат, украшенные изразцами. Красочно расписанные потолки и колонны. Огромные ста-

туи, покрытые позолотой.

А за его пределами нескончаемые столы с подношениями. Протухающие на жарком солнце продукты: мясо, овощи, хлеба. Всё, принесённое в дар Атону. И затем смрад, доносимый лёгким ветерком с площади величественного белого города – Ахетатона. Быстро построенного и так же скоро заброшенного.

И имя... Анхесенатон... «дочь царя от плоти его, любимая им, Анхесенатон, рождённая великой женой царя, любимой им Нефер-Неферу-Атон-Нефертити, живи она вечно, вековечно». Да, такое имя было у меня в детстве. Именно во славу Солнца – Атона и назвал меня отец Эхнатон. Фараон, отвергнувший всех богов, кроме одного. Мой муж!

Всё верно. Первым браком моя предшественница была замужем за своим отцом, как и ещё пять её родных сестёр. Хотя замужество для неё и троих младших было чисто номинальным, что не скажешь о двух старших. На момент смерти Эхнатона Анхесенатон было примерно лет десять. Почему примерно? После того, как сбрасывали «локон юности», дни рождения справляли только фараонам! В общем, сколько бы ни было, но время «Первой Крови» ещё не наступило, поэтому на ложе к мужу она не допускалась, живя с матерью в Северном дворце.

Да, настроения воспоминания не добавили. А вот желание опорожнить желудок от только что съеденного – весьма. И не от осознания такого кровосмешательства. То, что фараоны

брали в жены сестёр и дочерей, не было для меня секретом. Просто процесс проявления знаний до сих пор был довольно болезненным.

Сам Эхнатон, отчаявшись получить от «любимой жены» сына, уже давно охладел к ней. Многочисленные жёны тоже разрождались девочками. Ходили слухи, что фараон, дабы увеличить мужскую силу, брал на ложе даже юношей. Но и это не помогало.

А вспомнилась мне Макетатон. Вторая из старших сестёр, которая в после пролития «первой крови», была отправлена к мужу. Забеременела она через пару месяцев, как её отправили в царский дворец. Но при родах умерла, разродившись мёртвой девочкой. Она была ещё так юна.

Самой старшей из сестёр, можно сказать, повезло. Она так и не забеременела за несколько лет жизни с фараоном. Её впоследствии отдали в жёны Сменхкаре, ставшему в последние годы жизни отца его соправителем. Преемственность, однако.

Встрянула головой, старательно ограждаясь от причиняющих боль воспоминаний. Не сейчас. Вон как побледнела хозяйка, а Пия наливается яростью.

– Всё со мной хорошо, няня, – произнесла тихо, пока та не высказала чего-то ненужного, – посмотри на раба. Он в порядке. Я просто ещё не отошла от вчерашнего.

Женщина стала успокаиваться, даже извиняюще улыбнулась хозяйке.

– Я бы хотела побыть одна, – сообщила, отдышавшись. – У тебя, Субира, наверняка много дел. А ты, Аапехти, останься и помолись со мной.

Все вышли, даже рабыни, сидевшие на коленях у стен. Только два чернокожих воина молчаливо остались стоять у двери. Вот и телохранители проявились.

Мы со жрецом довольно долго сидели в тишине, пока я вытирала холодный пот своим траурным одеянием.

– Что случилось, госпожа? – настороженно и тихо спросил он, оказавшись рядом.

– Воспоминания этого тела. Кроме того, что они причиняют физическую боль, так ещё и то, что я осознаю, печалит мою душу.

– Да, моя царица, вы много пережили, но ваше юное Ка...

– Ты считаешь мою Ка новорождённой?

– Так сказала Бастед...

– Хм... знаешь ли ты клятву, которую никогда не сможешь нарушить? Сможешь ли поклясться, что никому не откроешь того, что я тебе расскажу?

– Чтобы моя Ка никогда не вошла в скрытую дверь и не оживила моего Сах, госпожа! – воодушевлённо проговорил мужчина, приложив руку к сердцу.

– Так знай, Аапехти, моя Ка прожила долгую жизнь в другом теле, прежде чем богиня принесла меня сюда. Я должна была уже разменять пять десятилетий, но не в этом времени.

– О чём вы говорите, моя царица?

– Ты не поверишь, но моё Ка рождено три с половиной тысячелетия вперёд.

Жрец поражённо молчал, обдумывая мои слова.

– Вы были столь стары...

На это замечание я просто улыбнулась. Обычный человек здесь редко переходит сорокалетний рубеж.

– И какой Та-Кемет в ваше время? Величие возросло? Какая династия правит?

Та-Кемет... «Чёрная Земля» ... Именно так называется эта страна, а не греческим названием «Египет», совершенно ей чуждым.

– О-о-о, – горько рассмеялась, – тебе лучше не знать.

– Нас опять захватили гиксосы? Или нубийцы предали? – воскликнул жрец.

При этом охранники немного напряглись, положив руки на хопеш⁸, притороченный к поясу.

– Нет, – улыбнулась печально, – в моё время уже нет ни гиксосов, ни нубийцев.

– А Та-Кемет? – продолжил он тихо. Волновать чернокожих воинов ему не хотелось.

– Страна... существует, но живёт в ней другой народ.

– Мы можем защититься от него?

– Не знаю, – ответила, задумавшись, – как завоеватель, он образуется только почти через два тысячелетия. Но за это

⁸ Хопеш – разновидность холодного оружия, применявшаяся в Древнем Египте. Имел внешнее сходство с серпом, с заточкой на выпуклой стороне клинка.

время и другие народы будут покорять эту землю... и не раз.

– Я должен сообщить это братьям.

– Ты обещал, Аапехти! – прошипела зло.

На его лице отразилась сложная гамма чувств. И боль, и ярость, и отчаяние.

– Кстати, что за братья? – удивилась я. – Разве ты не жрец Бастед?

– Да, но ещё с отроческих лет был приглашён в братство Гора за ясный ум и склонность к наукам, моя госпожа.

Так это не глаз Ра, а глаз Гора носит он на груди.

– Я не знаю, могу ли доверять твоим братьям, – ответила, покачав головой. – Тебя выбрала сама богиня, а остальные...

– Как же я могу помочь вам, моя царица, если вы владеете знаниями тысяч поколений наших потомков? Для чего я вам?

– Ты будешь смеяться... а может быть, и плакать... но об этих временах мы очень мало знаем. Только по надписям и свиткам в гробницах.

– Вы разорили гробницы? – в священном ужасе отшатнулся от меня Аапехти.

– Не я, – горько рассмеялась, – но да, примерно за пару сотен лет до моего рождения эта земля стала интересна многим. Начали приезжать люди, искать. Местные жители... вернее, те, кто стали жить на этой земле впоследствии, сами находили, выкапывали и продавали священные Сах людей, животных... даже правителей. А самой интересной забавой

для тогдашней Пат⁹ считалось развернуть, а потом и разломать останки, увеселяясь употреблением вина.

– Это святотатство! Куда смотрели боги?

– А вот это вопрос не ко мне! У нас там, вообще, большинство почитают одного Бога.

– Опять Атон? Всё не успокоится?

– О-о-о нет, он тут совершенно не при чём.

– А кто же? – От удивления жрец даже сел, подвернув под себя ноги.

– Иегова...

– Бог евреев? Как такое возможно? Немыслимо!

– Сейчас да... а вот спустя полтора тысячелетия...

– Но ведь нашим богам мы поклоняемся уже более пяти тысяч лет! А до этого они сами правили этим миром! Как же так?

– Я не знаю ответов на твои вопросы, Аапехти.

В проёме показалась головка маленькой рабыни, которую прислала Пия спросить, не хочу ли я освежиться перед «благословением».

– Скажи няне, что всё хорошо и пусть позовёт меня, когда настанет время.

– Что за «благословение»? – спросила жреца через некоторое время.

Он так и просидел на ковре, устремив задумчивый взор в неизвестность.

⁹ Пат – аристократия.

– А? – уточнил, взглянув на меня. – Каждый полдень Великая царская супруга выходит на возвышенное место, террасу дворца или крышу храма, и, простерев руки к народу, благословляет его. Это Ваша священная обязанность, как «повелительницы обеих земель».

– И как долго это делать?

– Тридцать ударов сердца, моя госпожа.

– Ну, хотя бы не устану, – ответила ему, хотя Аапехти всё ещё находился в задумчивости.

– А если рассказать им не всё? – спросил он.

– То есть?

– Просто поведать о будущем, не говоря о вас.

– И откуда ты это тогда знаешь?

– Боги открыли в видении. Ведь Баст предупредила меня о вас.

– Хорошо, думаю, так будет возможно.

– Спасибо, моя царица, – радостно вскочил мужчина на колени, бухнувшись лбом в пол. – Вы увидите, как будут полезны братья для вашего «великого дома».

В этот момент пришла Пия, сообщив, что крыша дома подготовлена для моего выхода, а люди уже собираются во круг, чтобы лицезреть «царственную супругу».

Пришлось потихоньку встать, тело ещё не отошло после вчерашнего, и пройти вглубь здания к каменной лестнице, выкрашенной белой краской. Никакого поручня, естественно, не наблюдалось. И хотя нянечка хотела помочь, Аапехти

оттеснил её, подав мне руку. На крыше было довольно жарко. А что будет на новый год? Самое пекло.

Подойдя к краю, я простёрла руки к толпе, что образовалась перед домом, хотя её старались сдерживать чёрные воины, но в звериных шкурах вместо белых юбок, как у моих телохранителей. В правой руке каждый из них сжимал копье, а в левой – огромный щит, которым теснили людей, не давая тем близко подойти к зданию.

– Кстати, Аапехти, почему вчера на ужине не было рыбы, но такое обилие мяса и птицы? Ведь её должно быть много в реке, – спросила, стараясь не оступитьсья.

– Рыба – еда простолудинов, моя царица.

– Почему это? – Стало обидно, её я всегда любила.

– Согласно древним текстам, именно рыбы съели гениталии Осириса. Их так и не нашли.

Глава 4

Завидев меня, над толпой пронёсся рокот. Народ постепенно стал падать на колени и утыкаться в землю лбами перед своей царицей – Проводником воли богов на земле.

Смотря на них сверху, я действительно искренне просила тех даровать им здоровья и процветания. Надеюсь, услышат.

Пришло понимание, что у Анхесенамон, как Великой царской супруги, есть масса обязанностей, связанных с богослужениями. К тому же при некоторых храмах она была высшей жрицей, а в одном даже оракулом. Кем бы её заменили, не займи я тело?

Последние несколько лет, как Тутанхамон вошёл в возраст, ему начали присылать высокородных девушек из покорённых земель, надеясь протолкнуть тех в младшие жёны. Но для богослужений они не годились. Роль посредника между богами и людьми могли играть только истинные дочери Та-Кемет. А вот с этим была заминка. Местные аристократы пока не горели желанием «породниться» с царём. А всё «мой батюшка». За прошедшие годы люди ещё не отошли от «предательства» Эхнатона.

Хотя многие не только выдвинулись благодаря «папаше», но и до сих пор продолжали занимать высокие должности. Ни Сменхкара, ни Тутанхамон, что правили позже, не от-

странили их. Примеров масса, включая того же главу этого города.

Но большинство из них не были Рит-Пат – наследственной знатью. А потому их дочери не годились для женского дворцового комплекса царского Дома.

Угу... комплекса. Здесь нет привычного в моё время понятия «гарема». У каждой жены был свой дом, хозяйство, слуги, а также неотделимая часть наследства. Так как в отличие от сераля будущего, любая женщина Та-Кемет имела право на развод. Правда... кроме жён фараона.

Да что там... женщина тут почти во всём имела с мужчинами равные права. В некоторых «местах» была даже «равнее»! А именно... старшая дочь наследовала земли! И не только в царской семье. А везде!

Потому фараоны и женились на своих сёстрах, а порой и дочерях, надеясь получить наследника мужского пола от нужной «крови». Если же на престол садился сын от «младшей супруги», то тут женитьбы на «царственной» сестре или тёте просто не избежать. Иначе не получить власть... и ты всего лишь узурпатор трона. Никакой любви, естественно, в подобных браках не было. В отличие от простого народа, да и той же аристократии, дочери царского дома всегда оставались «в семье». Вот она, цена власти.

Ну, а после смерти фараона вся бабская «свора», кроме «царского семени», перебиралась в резиденцию вдовствующих цариц – Ком-Мединет-Гураб. Богатое и пафосное ме-

сто, где пожилые женщины доживали свой век. Те, кто помоложе, вполне могли ещё раз выйти замуж...

Простояв положенное для благословения время, Аапехти аккуратно помог мне спуститься. Весна медленно отдавала свои права начинающейся жары. О нет, ещё не наступало пекло нового года, что удушающей змеёй нападает в полдень, не давая вздохнуть. Но вездесущие мухи постепенно начинают надоедать своей назойливостью.

Внутри дома меня уже поджидали молодые нагие чёрные рабыни с опахалами из белых страусовых перьев. И Пия.

– Девочка моя, давай освежим тебя, в бассейн готовы высыпать лепестки лилий.

О, мыться здесь любили... да и полежать в воде я была не против. Тем более что там меня никто не беспокоит при подобном времяпрепровождении.

Сейчас бассейн был наполнен уже прогретой на солнце речной водой. Уложив голову на стенку, куда подложили небольшую подставку под шею, я с большим удовольствием расслабилась. Но мысли, как шершни, носились в голове. Мне требовалось «пообщаться» с одной богиней. Столько накопилось!

– Вы позволите, моя госпожа? Мне нужно поговорить с вами срочно! – через какое-то время услышала я голос Аапехти.

Не знаю, сколько я пролежала в бассейне. Как только разбросали лепестки, попросила кормилицу оставить меня од-

ну. Та выгнала рабынь, чтобы не мешать. Даже вездесущие чёрные стражи вышли, даровав мне одиночество. И прошло, наверное, всего лишь полчаса или более, когда голос жреца прервал мою задумчивость.

– Что случилось, Аапехти? – спросила, так и не сменив позы, только глаза открыла. Лепестки цветов как раз накрывали верхнюю часть моего тела.

С появлением жреца в помещение вернулась охрана. Почти всё время со мной рядом кто-то находится. Даже ночью Пия и несколько служанок спали на полу, рядом с моим ложем. Удивительно, что в момент «подселения» я была одна.

– Ещё вчера вечером я послал братьям записку, что буду теперь служить вам, моя царица. А потому спрашивал о слухах и сплетнях, которые бы помогли мне, – тихо заговорил жрец.

– Быстро же ты...

– Всё для того, чтобы всеми силами служить вам, госпожа.

– Хорошо, хорошо... главное, помни о своей клятве.

– Конечно! – возмутился мужчина.

– И что там говорят твои братья, что ты решил побеспокоить меня даже тут?

– Мне не понравились те слова, что они донесли. Оказывается, плакальщиц призвали на остров ещё до вашего приезда, да ещё и из других городов.

– То есть... – Села я в бассейне, наплевав на то, что грудь оголилась. – Они знали, что кто-то умрёт. И, может быть,

даже я!

– Я тоже так считаю, госпожа... – ответил жрец, даже не подумав отвернуться или спрятать взгляд. Думаю, соберись я тут заняться «интимом» с супругом, то он бы просто отошел к стене или стал бы обмахивать нас опахалом.

Но я подумаю об этом позже. Сейчас стоит вопрос моего выживания.

– Хм... а братья не знают, кто именно отправил приглашение плакальщицам?

– Я просил их разузнать, госпожа!

– Ты прав, Аапехти, это очень важные сведения, – произнесла, укладываясь обратно в бассейн. Мне показалось, что по телу пошли холодные мурашки.

– Кроме того, раз вы живы, плакальщиц направили сюда, а не к чати¹⁰ вашего супруга, чтобы договариваться. Уже ведь объявили траур. А вчера допоздна вы были вместе, и доступа к вам никто не имел. Ну, а плакальщицы, раз они будут иметь дело с царской семьёй, надеются обогатиться на церемонии.

– Нужно узнать, какими средствами я могу распоряжаться.

– Средствами? Ит-Мена остался во дворце, ведь выехали только вы.

Хм... Ит-Мена? «Отец-кормилец»? А потом «вспомни-

¹⁰ Чати – «великий управитель», высшая должность в Древнем Египте. Во многих европейских языках (в том числе русском) часто переводится арабским термином «визирь».

ла», так называли управляющего женским дворцом. Его Хозяйкой обычно становилась сначала мать нового фараона, а потом царственная супруга. Но Тутанхамон ещё до нашей свадьбы стал сиротой. Так что с самого начала нашего брака всё это было моей «головной болью».

– Может стоит пригласить первую даму, что заведует вашими складами. Она так и осталась на корабле. Пия почему-то не позволила вашему сопровождению быть при вас здесь.

Получается, у меня есть небольшой штат местных «фрейлин». Да к тому же наделённых административными полномочиями.

– Во сколько будет ужин? Пошли записку, чтобы «высородные дамы» прибыли к этому времени. Думаю, приглашение разделить пищу загладит самоуправство кормилицы. А «ответственная за склады» пусть явится немедленно.

К удивлению, ели тут всего дважды в день, утром и вечером, а не как я привыкла в будущем, по модному здоровому питанию: пять раз и понемногу.

Жрец удалился, позвав служанок. Я же была готова одеваться. И нужно было обдумать полученную информацию. Очень плохую. Получается... то ли травили меня... то ли вытраивали нашего с Тутотом ребёнка. Да и хрен редьки не слаще. Есть заговор. А может, даже не один. Главное – понять, где притаилась «змея».

Кажется, меня начинает потряхивать... Выдохнуть!!! И

успокоиться...

Сейчас траур, поэтому можно будет сократить общение. Мы далеко от дворца, так что круг подозреваемых узок. Но все как на подбор – самые знатные и влиятельные.

Служанка решила обновить мой маникюр. Теперь ногти украшал золотистый цвет вместо красного. Хорошо хоть, не голубой. Быть в трауре аж по ногти не хотелось.

Другой принесённый трёхчастный парик был очень прост. Если не сказать, аскетичен. И никаких украшений. Хотя... сверху на парик мне надели Нерет – чепец в виде самки грифа. Она была призвана наводить ужас на врагов Чёрной Земли и охранять царицу. В когтях птица держала кольцо шен – символ бесконечности.

Ну вот... теперь я больше соответствую трауру. Кажется, нянечка прониклась моментом... Или, что, скорее всего, слухи про плакальщиц дошли и до неё.

Мне же вскоре предстоит общение с гильдией, и хотелось бы не разориться на этом «удовольствии».

Расположилась я всё на той же террасе. Она была довольно удобной. Утром её освещало солнце, а после полудня накрывала спасительная тень.

Как поняла, «женская половина» у дома небольшая. Скорее всего, жена у главы города всего одна. В принципе, «гаремы», учитывая законы Чёрной Земли, могли себе позволить только фараоны. Хотя высшие сановники имели чаще всего по две жены.

Обе рабыни с опахалами расположились по бокам. Они махали попеременно, стараясь не касаться перьями.

Задумавшись, не заметила, как передо мной оказался павиан. Первым желанием было заорать... но, учитывая, что чернокожие стражники так и не отлипли от стены, мне, скорее всего, ничего не угрожало.

Немного успокоившись, заметила на шее животного ошейник, правда, больше походивший на украшение. Обезьяна чинно сидела, держа в руках несколько свитков папируса.

– Приветствую, божественная! – согнулась в поясном поклоне вошедшая женщина.

– Это Манифер, госпожа, – пришёл мне на помощь Аапехти, опять незаметно оказавшись за спиной. – Ваша хранительница ключей от складов.

Наличие рядом со мной жреца, да и ещё на таком интересном месте, даме весьма не понравилось. Она окинула того оценивающим взглядом, но решила не реагировать, обращаясь только ко мне.

– Я скорблю вместе с вами, моя царица! – при этом она посыпала пеплом, который сжимала в кулаке, свой парик. Женщина снова нагнулась, так что основная часть «посыпки» упала на пол.

Тонкое небесно-голубое платье должно было подчеркнуть её участие в трауре царской семьи. На вид ей было лет тридцать с хвостиком. По местным меркам солидная, если не ска-

зять, «пожилая» дама. Ну так, на подобную должность молоденькую и не назначат.

Я ответила ей лёгким наклоном головы по тихой подсказке из-за спины.

– Чем тебя прогневал Бадру, божественная? – спросила Манифер.

Не услышав ответа, она продолжила:

– Раньше вы при встрече угощали его финиками, а сейчас даже не смотрите.

– Она говорит о павиане, госпожа, – услышала я тихий шёпот жреца... – Великая супруга ещё слаба, – попытался прийти мне на помощь Аапехти, видя такое моё продолжительное молчание, во время которого я рассматривала животное.

– Тебя назначили «гласом», жрец? – недовольно поинтересовалась женщина.

– Его прислала Бастед мне в помощь, – пришлось осадить придворную даму. Скандала совершенно не хотелось. Лучше, если эти двое найдут общий язык. – Я позвала тебя, Манифер, так как скоро должны прийти плакальщицы. Нужно понять, не разорят ли меня их услуги. А главное, чем мы можем расплатиться.

– У меня есть список со складов месячной давности, – ответила она и протянула руку к павиану, в которую тот вложил папирусы, что до этого держал. Потом начала зачитывать его... пшеница, ячмень, кожа, льняные ткани, пиво, су-

хие фрукты, сушеное мясо...

Не поняла... где деньги?

О, боги, на дворе что, натуральный обмен?

– Триста два медных утена, сто пятьдесят утенов из золота...

Оказалось, у меня даже золота и серебра в слитках нет. Всё идёт в царскую казну. Только украшения... Кольца, браслеты... больше всего, конечно, медных. Их, как понимаю, в основном и используют в качестве аналога денег. Утен, как единица расчёта, как раз и означает «кольцо». Мда... будет тяжело.

Выслушав весь список, поняла, что и половины не запомню.

– И как будем торговаться интересно... – проговорила тихо, но Аапехти явно услышал.

– Скорее всего, они назовут желаемое в дебенах, а уже его эквивалент можно будет распределить по наличным на складе вещам, – прошептал он мне в затылок.

– Я не понимаю, что такое «дебен» ...

Аапехти щёлкнул как-то странно пальцами, и к нам подбежал мальчишка лет десяти. С гладко выбритой черепушкой, в короткой плиссированной юбке и с таким же глазом Гора на груди. Ага, братья снабдили его помощниками.

Не доходя до нас, паренёк упал на колени, но жрец подзвал его и что-то прошептал тому на ухо. Мальчишка поклонился в пол и стал пятиться к выходу.

Манифер наблюдала всё это со странным выражением лица. Но молчала... и то хорошо.

Через пару минут, которые мы провели в тишине, помощник вернулся бегом и опять упал у ног Аапехти, протянув тому мешочек. Жрец забрал его, отпустив мальчишку движением руки. Потом развернулся так, чтобы закрыть происходящее от глаз первой дамы. На свою руку он высыпал несколько кусочков серебра.

– Это серебряный «дебен», госпожа, – прошептал он.

Взяв один, подержала его в руке. Ну, навскидку, грамм сто.

– Его могут разделить на десять частей. Такая часть будет называться – «кидет». – И вытащил маленький кусочек. – Для облегчения расчётов любой товар имеет цену в серебряных, золотых или медных дебенах.

– И как это будет выглядеть на примере?

– За молодую рабыню на рынке ценой в четыре дебена и один серебряный кидет можно отдать, допустим, шесть бронзовых сосудов, десять медных дебенов, пятнадцать льняных одеяний, покрывало, одеяло и горшок мёда.

– Офигеть... – прошептала еле слышно. Странно, произнесла я это по-русски.

Мужчина собрал серебро в мешочек и отдал мне с поклоном. Хм... первый подарок... Хотя это мне нужно его одаривать. Покачала головой и вернула дебены обратно.

Жрец как ни в чём не бывало отошёл мне за спину. Убий-

ственный взгляд Манифер сопровождал каждый его шаг.

– Я могу поговорить с вами наедине, божественная? – спросила она.

Взглянув на Аапехти, кивнула ему, головой показав на дверь. Жрец, пятясь, вышел. Охрана так и осталась подпирать проход, как и рабыни с опахалами. Тех, кажется, вообще не замечали.

– Кто этот жрец, госпожа, что допущен к твоей спине? – возмутилась женщина, растеряв всякую покорность и хладнокровие.

М-да... надеюсь, тут не любовная ревность. Только «розовых» соплей мне здесь не хватало.

– Успокойся! – пришлось ответить грубо. Даже показалось, что какая-то волна силы распространилась от меня. Уж не пресловутый ли Сехем проявился?

Женщина резко села, с удивлением уставившись на меня. Я совершенно не знала, можно ли ей доверять. С другой стороны, судя по её поведению, нас связывали отношения... надеюсь, дружеские. Что ей можно рассказать? Ну, уж явно не то, кто на самом деле теперь в этом теле.

– Ты знаешь, что произошло в храме?

– Это знают все... от горя вы чуть не ушли вслед за дитём, но молитва вашего божественного супруга вернула вас.

– Хм... ну почти... меня опоили перед родами. Поэтому ребёнок мёртв, да и я могла последовать за ним... И что странно, не великая Хатхор... а Бастед решила помочь мне.

Женщина закрыла руками рот, борясь с собой, давая мне высказаться.

– Она же послала своего жреца. Он теперь преданный мой помощник.

– Нужно рассказать чати... «первый надзирающий за порядком» обязательно найдёт виновного, – заполошно заговорила Манифер, приблизившись к моим коленям.

– А ты уверена, что он сам не вовлечён в это? Или кто-то из близких сановников?

Первая дама задумалась.

– Ни сына, ни дочери у твоего царственного супруга пока нет. Зачем убивать вас?

– Я более склоняюсь к тому, что избавлялись именно от ребёнка. Я, как видишь, жива и здорова.

– Получается... – задумчиво уставилась она в пространство, – скоро вас сделают вдовой и подготовят нового супруга. Думаю, некоторым не понравилось желание повелителя, наконец, самому принимать решения. Да и его стремление возглавить войско в войне с Митанией...

Вот и появилась информация, откуда могут расти ноги...

– Ты же понимаешь, что не должна никому рассказывать об этом?

– Не волнуйтесь, госпожа, вы ведь помните, что мой покойный супруг не был дружен с Хоремхебом.

Так... а Хоремхеб у нас... в мыслях появился рослый мужик с множеством шрамов, ставший военачальником ещё

при «папаше». Невероятным образом, он умудрился получить в жёны мою тётку по матери – Мутбенрет. Скорее всего, этим браком Эхнатон обеспечивал себе поддержку в военной среде, так как сам ничем, кроме «общения» с Атоном, не интересовался.

И что получается... этот боров решил, что стоит самому стать фараоном?

– Но, может, всё-таки следует рассказать об этом чати? Он ведь приходится вам дедушкой!

Хм... Эйя... по воспоминаниям, сухощавый мужчина... лет пятидесяти или старше. Не помню, чтобы тот хотя бы раз взглянул на внучку с любовью. Он стал «великим управителем» ещё при «папочке», полностью поддержав того в борьбе с куклами других богов. Хотя, кажется, до этого сам был главным жрецом бога Мина в городе Хент-мин.

Ему до сих пор принадлежат там множество прядильных мастерских. Храмы во времена Эхнатона потеряли почти все свои земли и большинство владений. Но тесть наверняка сохранил основную часть богатств, вовремя перейдя на сторону сильнейшего. Ведь многие должности были наследуемы, если не случалось каких-либо неожиданностей.

На помощь такого дедушки я не рассчитывала. Он не помог своей дочери Нефертити. После смерти Эхнатона та просто исчезла. Наверяд ли задумается о том, что является благом для меня. Скорее, будет думать только о собственном благополучии. Максимум о благе своего сына Нахмина. Сей-

час тот пытается пробиться в военачальники, пока же имеет титул «носителя правого опахала».

Хотя... боюсь, «дедуля» может вести собственную игру. Наличие внучки «царской крови» наверняка даёт большой выбор для маневра. Это вам не «царская жена». Кажется, даже Нефертити не была для него столь ценной. Может, поэтому она так быстро исчезла со «сцены»? Просто чтобы не мешать Эйю.

Так что для чати я ценность, но не мой с Тутотом ребёнок. Он-то как раз может ему мешать.

Господи, сколько же ещё выявится желающих у моего брэнного тела? Двоих первых игроков, кажется, я определила. Но, думаю, их может быть намного больше.

– Нет, Манифер, боюсь, высокочтимый Эйя может быть как раз причастным.

– Как же так? – ужаснулась женщина.

– Во мне «царская кровь», ты же понимаешь, что это значит?

Хранительница ключей побелела. Она, кажется, лучше меня осознала открывающиеся для «дедули» возможности.

– Но как же Неб-Хеперу-Ра Хека-Маат!? Он в опасности!

– Кт... (так, это вроде тронное имя супруга, спасибо память) ... А вот тут ты права.

– Я знаю, что нужно сделать! Через пару дней сюда должен прибыть «Царский сын Куша». Нужно будет взять у него дополнительно чёрных телохранителей!

– Телохранители? – заинтересованно повернулась к своим.

Глава 5

Воспоминания проявлялись как-то отрывочно. При попытке подумать о ком-то я могла себе его представить или возникали в памяти моменты общения. Но полной информации не было. И это начинало подбешивать.

К примеру, про Манифер я так ничего и не вспомнила. Но быть такого не может. Надеюсь, в памяти хоть что-нибудь да воскреснет.

Не поняла... Ба со мной борется? Слушай! Ты! Мне мужа спасать надо! Не время выделываться! Если что, тело придётся вместе оставлять. И Маат больше не поможет!

Странно, но вместо воспоминаний о Манифер я осознала, что начальника моей охраны зовут «подарок»... вернее, Барака. Этот по нынешним меркам пожилой нубиец лет сорока служил ещё моему отцу, после смерти которого Нефертити приставила его для моей охраны, а почему-то не к Меритатон. М-да... интересно «деффки пляшут».

Но только охранял он спустя рукава. Меня отравили! Хотя... если это сделали прямо в храме... и травами, опасными только для беременных... Нужно с ним обязательно пообщаться!

Если заменить мужу телохранителей, то, во всяком случае, при возможном нападении можно будет отбиться, а не

ожидать удара в спину. Еду, предназначенную супругу, тоже пробует специальный человек. Но от яда замедленного действия это не спасёт.

От размышлений меня отвлекли перья опахала, что неожиданно пару раз промелькнули перед глазами. Оказывается, уже некоторое время одна из моих служанок ждёт ответа, согнувшись в поясном поклоне.

– Что она хотела? – спросила у Манифер, вопросительно на неё взглянув.

– Прибыли представители гильдии плакальщиц, моя царица, – ответила та, улыбнувшись.

– Ну вот и вороньё...

– Что вы сказали, госпожа?

– Ничего... – и, повернувшись к служанке, добавила: – Скажи им, что я приму их сейчас. Но сначала позови Аапехти. Его совет не помешает.

– Разве моего совета вам мало, божественная?

Пришлось пристально на неё посмотреть. Как будто пытаюсь разглядеть что-то на её лице. Не выдержав, «хранительница ключей» опустила голову.

Напряжённую тишину разрушил приход жреца, медленно прошествовавшего на террасу. За ним вошли служанки, которые внесли высокий небольшой столик, поставив его у моего кресла. На него установили красивую вазу, наполненную фруктами, и кубок на длинной ножке.

Подошедший мужчина в короткой простой юбке нёс в ру-

ке небольшой кувшин. Он сначала налил немного из него в глиняный стакан, поданный рабыней, и выпил из него. Простоял так пару минут, всем своим видом демонстрируя, что жидкость не отравлена. Затем мужчина налил в мой кубок что-то, напоминающее по цвету розовое вино, и откланялся, оставив кувшин на столе. Так... уже спаивают?

Аапехти занял излюбленное место за моей спиной. Странно, но с его возвращением я даже как-то немного успокоилась. Ух-ты... как оказывается, его присутствие на меня влияет.

Манифер перебралась поближе к моему креслу, расположившись сбоку. Так она могла видеть и меня, и будущих собеседников.

Через пару минут вошли несколько женщин в сопровождении мужчины. Прямо в дверях они согнулись в поясе и, не дойдя до меня нескольких метров, рухнули на колени, уткнув лица в пол. С каким-то странным удовольствием продолжала молчать, хотя Аапехти уже пару раз прошептал мне в затылок слова, которыми их нужно было поднять. Мне почему-то не хотелось обсуждать оплакивание «дочери». Может быть, потому что и само моё новое тело могли бы «орошать слезами» прибывшие представители гильдии, если бы не планы одной богини.

Наконец, разрешив им встать, продолжала недовольно изучать стоящих передо мной.

– Мы пришли на ваш зов, великая, – произнесла, наконец,

самая богато одетая дама с париком, так обильно украшенным бусинами, что его требуемый модой чёрный цвет стал почти неразличим.

– А я вас звала? – поинтересовалась удивлённо.

Женщины начали переглядываться между собой, явно не ожидая подобной встречи. Только их сопровождающий казался почему-то спокойным, как удав. Удивившись подобному, попыталась незаметно присмотреться к нему и обратила внимание, что глаза его весело искрились. Да он там, под маской спокойствия, ржёт втихомолку. Непонятно.

Наконец, на мой взгляд, самая старшая из дам, перестав играть в гляделки с остальными, спросила очень вкрадчивым голосом:

– Но как божественная будет оплакивать «ушедшую»?

– Приглашу плакальщиц!

Женщины стали обмениваться взглядами снова и даже что-то зашептали между собой.

– Но мы уже здесь, госпожа, – как-то растерянно заявила та, посмотрев на меня как на душевно нездоровую.

– Ну, раз сами пришли... можно и поговорить.

Меня пробил странный кураж. Никогда на переговорах ничего подобного себе не позволяла. Это что, гормоны? Учитывая, что моему новому телу где-то двадцать три... плюс... минус... или это после родов? Странно, что грудь не болит, и молока нет. Одни вопросы!

– Давайте не будем долго тянуть... (хм... хотя тут не стоит

так говорить про кошек, да и не положено подобное царице) с нашим вопросом. Хотелось бы услышать, во что мне обойдутся ваши услуги.

– Конечно, божественная, – просияла та, что с «кричащим» париком. – Думаю, двести плакальщиц...

– Сколько? – ужаснулась я. – Зачем столько?

– Но ведь... – непонимающе произнесла женщина, – «великий дом» ...

– Ну мы же не повелителя, да живёт он вечно, оплакиваем, – во мне проснулся внутренний «хомяк», родившийся в трудные девяностые. Его старательно потом пыталась изжить дочь, не понимая, зачем варить своё варенье, если его всегда можно купить в любом магазине, когда захочется.

– А скольких, великая, желает призвать? – угодливо поинтересовалась та.

– Ну... – протянула неуверенно, – где-то пятьдесят хватит.

Женщины зашептались между собой. Сопровождающий мужчина продолжал строить из себя изваяние, совершенно ни на что не реагируя.

Откинувшись на спинку кресла, прошептала вбок:

– А что это за мужчина с ними, но не чувствует в разговоре:

– Это писец, госпожа. Если вы, наконец, что-то решите, он напишет договор.

– А у меня... есть свои писцы?

– Он и есть ваш, моя госпожа. При вашей особе служат двенадцать писцов. У вашего божественного супруга чуть больше пятидесяти. У каждого сановника не менее десятка.

– Ох, сколько дармоедов мы кормим...

– Как я узнал, каждый день «великий дом» только в столице получает десять тысяч хлебов для удовлетворения нужд своих служащих.

– М-да. А скажи-ка, Аапехти, как много мы «платим» за работу?

– Ремесленные люди... такие, как пекари, гончары, ткачи или прачки, – получают в день десять хлебов и два кувшина пива, моя госпожа.

– А зачем женщинам два кувшина пива?

– Каким женщинам?

– Ну, прачкам.

– У нас никогда не было женщин-прачек, моя госпожа. Это достаточно опасное ремесло. Великая Река – территория, где обитают бегемоты и крокодилы. Там не место для слабых.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.